

Б. И. ДУБЕНЦОВ

К вопросу о так называемом „Летописце княжения Тферскаго“

В генеалогии тверских летописных сводов, как она представлена в исследовании А. Н. Насонова «Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.»,¹ значительное место отведено летописному памятнику, озаглавленному «Летописец княжения Тферскаго». Состав этого памятника восстанавливается А. А. Шахматовым и А. Н. Насоновым главным образом по Тверскому сборнику, в котором, как полагают, этот «Летописец» дошел в наибольшем объеме. По мнению первого исследователя, на долю «Летописца» в Тверском сборнике приходится текст отдельных отрывков начиная с 1325 г., и основная часть известий 1402—1425 гг. По мнению второго, «Летописец» лежит в основе известий почти всей второй части Тверского сборника от 1285 и до 1455 г. включительно.

Как показывает история изучения этого «Летописца», его анализ неразрывно переплетался с вопросом о литературной судьбе другого памятника тверской литературы — «Повести о великом князе Михаиле Александровиче Тверском», и спор о взаимоотношении в тексте Тверского сборника «Летописца» и «Повести» возник очень давно. Основной вопрос этого спора может быть сформулирован так: «Повесть о Михаиле Александровиче» или «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» стоит под 1402 г.² во второй части Тверского сборника?

В полутоме «Истории русской литературы», вышедшем в 1946 г., имеется в разделе «Исторические повести» Тверского княжества XIV и XV вв. статья о «Повести о Михаиле».³ В ней С. К. Шамбинаго, давая итоги изучения этого памятника, говорит только о «двух отрывках» «Повести», имеющих в Тверском сборнике под 1402 г., не объясняя, почему они здесь открываются заглавием «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», и вообще ничего не сообщая о взаимоотношении между «Летописцем» и «Повестью». Такая точка зрения соответствует давнему мнению В. О. Ключевского, считавшего, что интересующий нас текст представляет собой именно «Повесть», а не летопись.

С. К. Шамбинаго поступил так несмотря на то, что автор последнего исследования по тверскому летописанию, в котором уделяется очень большое внимание данному тексту, — А. Н. Насонов, разрешая вопрос об объеме «Летописца княжения Тферскаго» и его идейной направленности,

¹ Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, №№ 9 и 10, стр. 709—772.

² Имеется в виду текст стлб. 463—470: Тверской сборник. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 244—246.

упоминает о существовании «Повести о Михаиле» лишь в Н4Л, а в отношении Тверского сборника признает только, что «автор предисловия («Летописца», — Б. Д.) несомненно пользовался литературными приемами составителя жития Михаила Александровича, отрывки которого сохранились в Новг. 4 лет. под 1399 г.».⁴ А. Н. Насонов доказывает, что весь интересующий нас текст Тверского сборника представляет собой только «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», составлен в соответствии именно с этим назначением, и что это «Предисловие» связано со всем остальным текстом, который он относит к «Летописцу княжения Тферскаго». Эта точка зрения соответствует первоначальному мнению по интересующему нас вопросу, принадлежавшему А. Ф. Бычкову.

Однако автор последней работы о тверской литературе, М. А. Ильин, явно возражая А. Н. Насонову, утверждает, что «предисловие по своему смыслу относится скорее к повести о в. к. Михаиле, чем к летописи. Тем более, что далее следуют на некотором расстоянии друг от друга два отрывка из Повести о Михаиле». М. А. Ильин считает, что во время переработки тверского летописного свода при великом князе тверском Борисе Александровиче «были использованы более ранние записи о Михаиле Александровиче, и к ним было придано пышное, в стиле Епифания Премудрого, предисловие, ставшее одновременно и предисловием к новой редакции этого свода».⁵ «Предисловие Летописца», значит, представляет собой переработку Предисловия «Повести» и двух ее отрывков, идущих за последним. Таким образом, М. А. Ильин ближе всего примыкает к точке зрения А. А. Шахматова, считавшего, что здесь налицо летопись с ее предисловием, в которые была переработана при Борисе Александровиче «Повесть о Михаиле Александровиче» вместе с ее Предисловием.

Как видим, в настоящее время существуют три различных ответа на заданный вопрос и с конца прошлого века до сих пор не разрешен спор: стоит ли в Тверском сборнике под 1402 г. «Предисловие Летописца», не имеющее почти никакого отношения к «Повести о Михаиле» (мнение А. Ф. Бычкова—А. Н. Насонова), или, наоборот, здесь в текст Сборника вставлена «Повесть» и ее Предисловие (В. О. Ключевский—С. К. Шамбинаго), или здесь «Предисловие Летописца», но сделанное на основе «Повести» и ее Предисловия (А. А. Шахматов—М. А. Ильин).

Оговорим два обстоятельства, прежде чем обратиться к этому спору. В настоящей статье мы не ставим своей задачей пересмотр вопроса о «Летописце княжения Тферскаго» во всем его объеме, ограничимся лишь более углубленным рассмотрением взаимоотношения этого летописца и «Повести о Михаиле Александровиче» главным образом в пределах текста Тверского сборника, указанных выше (см. прим. 2), используя для этого некоторые результаты сопоставления вариантов «Повести», содержащихся в различных летописях. Сопоставление же различных вариантов «Повести о Михаиле» с указанной частью текста Тверского сборника тем более необходимо, что А. Н. Насонов рассматривал взаимоотношение этой части Тверского сборника только с остальным его текстом и совершенно не использовал возможность и такого сопоставления. Однако давать оценку данному тексту как «Предисловию Летописца» без сопоставления его с «Повестью» представляется неправомерным. А это обстоятельство

⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества..., стр. 744, прим. 1.

⁵ М. А. Ильин. Тверская литература XV в. как исторический источник. Труды Историко-архивного института, т. III, 1947, стр. 22 и 24. В остальном, что касается «Летописца княжения Тферскаго» — свода 1455 г., заказанного Борисом Александровичем и заполняющего собой большую часть Тверского сборника, М. А. Ильин согласен с выводами А. Н. Насонова и исходит из них.

в свою очередь ставит под сомнение и предположенный А. Н. Насоновым объем «Летописца княжения Тферскаго».

Все исследователи, о которых идет речь, пользовались текстом Тверского сборника по считавшемуся долгое время единственным списку Погодинского собрания ГПБ, № 1414, XVII в., изданному в 1863 г. в XV т. ПСРЛ. Но этот список наиболее далек от оригинала, пестрит искажениями и является худшим из всех известных списков Тверского сборника. А. Н. Насонов в своей работе 1930 г. впервые использовал наилучший и старейший список Тверского сборника — Забелинский, XVI в. Этот список, хранящийся в ГИМ, в Музейском собрании под № 2886, был открыт И. Е. Забелиным в 1906 г. Однако А. Н. Насонов все же цитировал Тверской сборник по изданному Погодинскому списку, и в сущности текст Забелинского списка, особенно в интересующей нас части, остается невведенным в научный оборот. А. А. Шахматов в 1915 г. указал еще один список Тверского сборника, до сих пор никак не использованный. Это — список XVII в. из собрания Ф. А. Толстого (ГПБ, Ф. IV. 214).⁶ Используем все три списка и текст Тверского сборника цитируем по изданию в ПСРЛ только в тех случаях, когда Забелинский и Толстовский списки не дают явно более правильных чтений.

А. Ф. Бычков, издавая в 1863 г. «Летописный сборник, именуемый Тверской летописью», предпослал изданию предисловие, которое и явилось истоком упомянутого выше спора.

Указав, что в числе материалов, из которых составлен Сборник, имеется «Летописец княжения Тферскаго», он характеризовал последний следующим образом: «Об этой летописи мы узнаем из Сборника, что она составлена неизвестным лицом, по повелению тверского великого князя Бориса Александровича (ум. 1461), приказавшего ему описать время княжения Михаила Александровича...».⁷ Действительно, под заголовком «Предисловие Летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей Тферьских» (стлб. 463) летописец упоминает «князя Бориса, еже повелел ми есть написати от слова честь премудраго Михаила», и далее речь идет именно о Михаиле Александровиче. Подчеркнутые нами слова можно понимать так, что Борис приказал написать летопись («описание времени») княжения Михаила Александровича. Так и поняли их А. Ф. Бычков. Но можно их понять и так, что Борис Александрович заказал только «Повесть о житии Михаила Александровича».

Никаких доказательств в пользу принятого им истолкования у А. Ф. Бычкова не было, кроме того соображения, что смысл указанных слов должен соответствовать заголовку, под которым они стоят. Понятно, что это соображение могло иметь силу, а А. Ф. Бычков, соответственно, мог иметь право на свою трактовку только при уверенности, что заголовок этот стоит на своем месте, соответствует всему, что стоит под ним. Но это-то и является первым сомнением в целом ряду сомнений, возникающих при принятии вывода А. Ф. Бычкова, даже в том случае, если

⁶ В предисловии к XV т. ПСРЛ (стр. VI) Погодинский список обозначен старым номером 970 (теперь под этим номером значится сборник слов Ефрема Сирина). О Забелинском списке см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. . . , стр. 711, прим. 2 (номер его здесь ошибочно указан как 2885). Забелинский список был привлечен здесь А. Н. Насоновым в отношении отметок на полях его об использованных писцом источниках (стр. 711—712), наличия отдельных известий (главным образом по последней части Сборника — стр. 739, 741—742, 755); кроме этого, было процитировано одно слово (стр. 750). О Толстовском списке см.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938, стр. 372 (статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона).

⁷ ПСРЛ, т. XV, стр. V («Предисловие» А. Ф. Бычкова)

мы не выходим за пределы Тверского сборника. Прошло почти сто лет со времени появления трактовки А. Ф. Бычкова, а сомнение в соответствии заголовка последующему тексту остается в полной силе.

Почему можно, опираясь на заголовок, толковать слова «от слова честь» как говорящие о летописи, посвященной времени Михаила Александровича, если в заголовке сказано, что это летописец «княжения... великих князей тферских», а не одного Михаила? Почему, если последовательность текста не нарушена, летопись времени Михаила начинается после рассказа о его смерти? Почему начало этой летописи стоит именно под 1402 г., если Михаил умер в 1399 г.? Заголовок говорит о летописи, как, допустим, и трактуемые слова текста, но где же сама эта летопись? Если ею является весь текст, идущий от заголовка и до сообщения о вокняжении Ивана Михайловича, то что это за странная летопись, составитель которой пробегает на двух-трех листах события от 1327 по 1400 г. и при этом ни разу не употребляет обычной для летописи формы — погодных известий? Если же означенный раздел есть предисловие к летописи времени Михаила, то где же тогда эта летопись, если после предисловия идет речь уже не о Михаиле, а об Иване? Как видим, даже единственный довод, имевшийся у А. Ф. Бычкова в пользу его трактовки, не разрешил всех этих вопросов. Так возникло мнение о существовании «Летописца княжения Тферскаго».

Вторая ошибка А. Ф. Бычкова вытекает из первой. В Тверском сборнике составитель, получивший заказ от Бориса Александровича, начиная писать «от слова честь» Михаилу, говорит: «Пръвое честь мужу речем, да ведомо всем будет, от которого богасадного корени таковаа доброплоднаа отрасль, или реку, ветвь, израсте...».⁸ Эти слова памятника уже сами по себе не в пользу А. Ф. Бычкова решают спор о том, что именно заказал Борис Александрович. Под возданием «честь» Михаилу сам составитель, оказывается, понимал не летопись событий его времени, а его биографию, житие — повесть о нем, ибо «первой честью», т. е. первым, чем он воздал честь Михаилу, было описание родословия Михаила. Перечислив «степени» его родословия, он заключает: «Дозде пишущу уставихом ис първаго летописца въображающе, якоже Володимерский полихрон, степенем привее, яве указывает, и пречестнейша сего в князех являет словуще имя Михаила Александровича».⁹ Если рассматривать оба приведенных отрывка в связи друг с другом и с текстом, идущим между ними, а не вырывать последний отрывок из контекста, как сделала это и А. Ф. Бычков и позднее А. А. Шахматов, то толкование последнего отрывка может быть только одно, именно то, которое дал В. О. Ключевский: «полихрон понадобился автору, чтобы изложить родословную князя».¹⁰ Воздав эту «первую честь» Михаилу, он поэтому именно здесь и пояснил, что до этого места он пишет из Владимирского полихрона, давая вместе с тем понять, что далее он пишет по другому своему источнику.

Однако А. Ф. Бычков, не обратив внимания на слова памятника о «степенях», написал следующее: «При изложении событий, предшествовавших вступлению на престол Михаила Александровича, составитель Летописи, как он сам говорит, руководствовался Владимирским полихроном».¹¹ Так «Летописец княжения Тферскаго» получил свой источник, которым в действительности пользовался автор «Повести».

⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 464.

⁹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.

¹⁰ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 178.

¹¹ ПСРЛ, т. XV, стр. V.

Против признания А. Ф. Бычковым варианта «Повести» Тверского сборника летописью выступил В. О. Ключевский. Он указал, что заголовок противоречит тому, как «автор излагает программу своего труда о Михаиле: „зело скоропытне искавше образ бытия его, когда родися, ч како богом утвержаем в крепости възраста, и колико мужества на земли храбрости показа, наипаче же елми к богу веру в делех стяжа“. Ясно, что автор хочет писать не летопись, а биографию кн. Михаила. Дальнейшее изложение также чуждо летописных приемов... Сплошной биографический рассказ без хронологических пометок, причем отрочество князя и его воспитание изображено обычными чертами житий».¹² Он указал также на полное несходство и иногда противоречие сообщений биографии Михаила о нем и его отце с тверскими летописными известиями как Никоновской, так и Тверского сборника и, главное, на то, что в Н4Л помещена та же статья о преставлении Михаила, которая имеется и в Тверском сборнике (до заголовка), «но с сокращениями и вариантами», однако в Н4Л этой статье «предпослано в виде предисловия начало выше анализированного вступления к тверскому жизнеописанию Михаила с незначительными переменами в словах и без искажений, сделанных писцом тверского сборника».¹³

Итак, еще в самом начале изучения «Повести» было замечено то обстоятельство, что текст, стоящий в Тверском сборнике непосредственно под заголовком «Предисловие Летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей тферских», этому заголовку не соответствует; что этот текст тождественен с тем Предисловием, которое (вместе с «Повестью о преставлении Михаила») имеется в Н4Л, а различия между ними говорят о том, что именно протограф текста Предисловия Н4Л переработал составитель рассматриваемого текста Тверского сборника, в частности подставивший имя Бориса вместо того имени, которое там было.

В Предисловии Н4Л на том месте, на котором в Тверском сборнике стоит обещание «написать от слова честь премудраго Михаила», читается «написать от жития премудраго Михаила».¹⁴ Следовательно, в Тверском сборнике под заголовком «Предисловие Летописца княжения... великих князей тферских» стоит Предисловие к житию Михаила Александровича. И, перерабатывая текст Предисловия протографа Н4Л, составитель Предисловия Тверского сборника понимал свою задачу — написать «от слова честь» Михаилу — именно как написание жития Михаила, о чем, как мы уже видели, свидетельствует изложенная именно им программа его труда. Переработка не изменила характера Предисловия. Следовательно, «Летописец княжения Тферскаго» не имеет своего специального предисловия.

Однако, может быть, Предисловие к житию Михаила поставлено здесь в качестве предисловия именно к летописи?

А. Ф. Бычков, хотя и сопоставлял Тверской сборник с Никоновской летописью,¹⁵ но не заметил, что в Никоновской летописи имеется особо озаглавленная «Повесть о Михаиле Александровиче», первая половина которой сходна по своему составу с текстом Тверского сборника, идущим

¹² В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 178.

¹³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 179.

¹⁴ Новгородская IV, старший извод, Толстовский список: ГПБ, Q. IV. 138, конец XV—начало XVI в., л. 42 об. Ввиду дефектности древнейшего из списков старшего извода Н4Л, Новороссийского, цитируем по Толстовскому списку в тех случаях, когда Строевский список младшего извода, принятый за основной и во втором издании IV т. ПСРЛ, дает менее верные чтения.

¹⁵ ПСРЛ, т. XV, стр. V.

после имеющегося в нем Предисловия к житию Михаила. Однако это заметил В. О. Ключевский. Он указал и на то, что рассказы о преставлении Михаила в Н4Л и в особенности в Тверском сборнике и в Никоновской почти сходны по своему составу.

Таким образом, еще в самом начале изучения «Повести» было замечено, что если обе части текста, имеющегося в Тверском сборнике до и после заголовка «Предисловие Летописца», переставить в хронологической последовательности (рассказ о смерти Михаила поставить после рассказа о его детстве и вокняжении), то получается текст «Повести о Михаиле», сходный по составу с «Повестью о Михаиле» Никоновской летописи (в котором будет не хватать только начала Предисловия к «Повести», сохранившегося в Н4Л).

И. А. Тихомирову, выступившему в 1876 г. с работой «О сборнике, именуемом Тверской летописью», нужно было выбирать между двумя точками зрения. Он решительно примкнул к точке зрения В. О. Ключевского, дополнив ее указаниями на то, что заголовок «Предисловие Летописца...» «вставлен, по всей вероятности, составителем сборника».¹⁶ Рассказ о кончине Михаила Тверского сборника он считал, вслед за В. О. Ключевским, частью одной и той же «Повести о Михаиле», имеющейся в Тверском сборнике.¹⁷ Следовательно, в Тверском сборнике под 1402 и 1399 гг. стоит именно «Повесть о Михаиле», а не «Летопись княжения Тферскаго». Эта «Повесть» просто перерезается заголовком, вставленным составителем либо всего Тверского сборника, либо второй его части, переставившим обе части «Повести».

Итак, казалось бы, мы получили ответ на заданный нами вначале вопрос: после заголовка «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» в Тверском сборнике идет Предисловие к «Повести о Михаиле», за ним же — именно эта «Повесть», только разорванная и сокращенная поздней рукой. И Борис Александрович заказывал в данном случае не летопись времени Михаила, а повесть о нем. По сути дела, ошибка А. Ф. Бычкова была очевидна еще в 1870-х годах, однако эта очевидность была забыта, а вопрос о заказе Бориса усложнен. Из небольшой ошибки А. Ф. Бычкова родились сложные, но ошибочные построения.

Как известно, И. А. Тихомиров ограничивался статическим анализом «внутреннего состава свода, разложением его на первоначальные источники — погодные записи и сказания» как на некие «неделимые элементы».¹⁸ Поскольку масса погодных записей, составляющих основу летописи, оставалась нерасчлененной, то на этом закрывался дальнейший путь исследования летописи. И Тихомиров, естественно, сосредоточивал свое внимание на том, чтобы изучать «сказания (повести и жития), вошедшие в Тверской сборник, отдельность которых несомненна и неоспорима».¹⁹ Таким образом, для И. А. Тихомирова «Повесть о Михаиле» оставалась одним из специальных объектов изучения. Этим и объясняется правильность его взглядов относительно «Повести».

¹⁶ ЖМНП, 1876, № 12, стр. 279—280.

¹⁷ О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 280. Об одном, наиболее важном наблюдении И. А. Тихомирова скажем далее.

¹⁸ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом присуждении награды г-р. Уварова. Записки Академии Наук по историко-филологическому отделению, 1899, т. IV, № 2, стр. 233, 236. Мы, разумеется, не задаемся целью оценивать и рассматривать полностью ни работу И. А. Тихомирова, ни работы А. А. Шахматова, о которых пойдет речь. Рассматриваем их, как и работу А. Н. Насонова, только в части, содержащей данные для решения интересующего нас вопроса.

¹⁹ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 273.

А. А. Шахматов, как известно, указал на ту единицу, изучение которой выводило исследователя из хаоса сплошной массы погодных известий: он ввел современное понятие летописного свода. Работа А. А. Шахматова «Разбор сочинения И. А. Тихомирова» принесла с собой полный разгром старого направления в изучении летописания. Удар был так силен, что и частные верные выводы И. А. Тихомирова по «Повести» были сметены вместе с основными его выводами. Вместе с тем эта работа А. А. Шахматова открыла собой ряд таких работ, в которых интересующий нас текст Тверского сборника рассматривался все более только по ходу изучения тверских летописных сводов, изучался только в зависимости от задач их исследования, и в которых из-за этого все менее уделялось вниманию сопоставлению этого текста с «Повестью» других летописей.

Кроме того, А. А. Шахматов при всей новизне его метода в конкретных вопросах, естественно, исходил из тех данных, которые были добыты его предшественниками, а значит, иногда и из их ошибок. В той же работе А. А. Шахматов по интересующему нас вопросу отправился от вывода А. Ф. Бычкова, будто в основе второй части Тверского сборника лежит заказанный Борисом Александровичем «Летописец княжения Тферскаго», «Предисловием» которого якобы и является изучаемый нами текст. «Ниже я попытаюсь доказать, — писал А. А. Шахматов, — что эти известия (XV в. о Твери, — Б. Д.) примыкали к историческому памятнику, нашедшему себе место в Тверском сборнике, — к тем статьям его, которые г. Тихомиров признает отрывками из жития великого князя Михаила Александровича и которым в Тверском сборнике предшествует предисловие с заглавием: „Предисловие летописца княжения Тферскаго...“».²⁰

Так получилось, что статья И. А. Тихомирова, неверная в основном, оказалась правильной в частностях (в теме «Тверской сборник» наблюдения над «Повестью о Михаиле» были лишь частностью). Вызванная же этой статьей рецензия А. А. Шахматова, наоборот, верная в целом, оказалась ошибочной в части, касающейся «Повести», и вытеснила из научного оборота верные наблюдения над ней И. А. Тихомирова.

Поэтому нам необходимо будет разобрать аргументацию А. А. Шахматова, дабы подтвердить только что сказанное, а затем обосновать правильность ответа на разбираемый вопрос, имевшегося до работы А. А. Шахматова, применяя новые доказательства или конкретизируя уже известные.

А. А. Шахматов стремился ответить на вопросы-возражения, обращавшиеся к А. Ф. Бычкову, ответить так, чтобы учесть серьезные фактические основания этих вопросов и в то же время сохранить «Летописец княжения Тферскаго» как особую летопись, заказанную Борисом Александровичем.²¹ Мы видели, что одним из возражений А. Ф. Бычкову было указание на несоответствие заголовка тексту, стоящему под ним, на то, что нет у «Летописца княжения Тферскаго» своего предисловия, что на его месте стоит Предисловие к житию Михаила и само это житие.

²⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 199.

²¹ Однако обилие фактов, противостоящих такому сохранению, заставляло А. А. Шахматова колебаться, менять частные решения, в которых так или иначе давала себя знать неверность исходной позиции. И в конце концов он так и не отказался от «Летописца княжения Тферскаго», но и не доказал его существования и не опроверг всех доводов против него. В последней работе, где он затрагивал вопрос о «Повести», — в «Отзыве об издании Н. П. Лихачева „Июна Фомы Слово похвальное“» (СПб., 1909), А. А. Шахматов выставил лишь несколько кратких тезисов, так и не образовавших законченного генеалогического построения, нуждавшихся в дальнейшем доказательстве и объяснении.

А. А. Шахматов попытался отвести это возражение следующим аргументом: «Надо обратить внимание на то, что в предисловии, читаемом в Новгородской IV летописи, говорится о житии Михаила (...от жития...), а в предисловии, помещенном в Тверском сборнике, упоминается о каком-то другого рода или характера произведении (...от слова честь...). Если мы сообразим это обстоятельство и сопоставим его с заглавными строками, свидетельствующими, что мы имеем дело с предисловием не жития, а летописца, то»²² следует вывод, что Борис заказывал летопись.

Как видим (ср. стр. 122), из сопоставления данных слов Н4Л и Тверского сборника возможны прямо противоположные заключения. Но все дело в том, что обозначение заказа автору в Н4Л соответствует и тексту этой летописи, и тексту Тверского сборника; этим и расшифровывается смысл выражения «от слова честь»: оно дает лишь более риторическое определение последующего текста как текста жития. Такое истолкование выражения «от слова честь» подтверждается и тем планом произведения, который намечен в Тверском сборнике; это истолкование учитывает все данные текста «Повести» и Н4Л, и Тверского сборника, а не опирается лишь на заголовок последнего и соотнесенные с ним, вырванные из контекста выражения.

Аргумент А. А. Шахматова основан на той посылке, что заголовок соответствует идущему за ним тексту. Но налицо, напротив, несоответствие. Это несоответствие, лишаящее права судить о тексте, исходя из заголовка его, и сопоставлять выражение «от слова честь» с заголовком, не устраняется ни принятием точки зрения А. Ф. Бычкова, ни принятием точки зрения А. А. Шахматова.

А. Ф. Бычков, считая, что заголовок соответствует тексту, определил «Летописец княжения Тферскаго» как летопись, обнимающую княжение Михаила. Несоответствие сейчас же обнаружилось: в заголовке говорится о «Летописце княжения... великих князей тферских», а не одного Михаила. А. А. Шахматов попытался устранить это несоответствие. «Летописец княжения Тферскаго» обнимал, писал он в 1899 г., «события трех княжений — Александра, Михаила и Ивана», т. е. в основной своей части доходил до 1425 г.²³ Таким образом, Шахматов полагал, что после заглавия и общего вступления к летописи «Летописец» открывался беглым обзором событий княжения Александра Михайловича, только часть этого обзора была вырвана отсюда позднейшей рукой и переставлена вперед, до заглавия (см. стр. 135). Но это только обнаружило с новой стороны общее несоответствие заголовка идущему за ним тексту: в тексте говорится, что Борис заказывал «от слова честь премудраго Михаила», а не нескольких князей.

Второй аргумент А. А. Шахматова против того же возражения А. Ф. Бычкову, о котором говорилось выше, заключался в ссылке на особый характер «Летописца княжения Тферскаго». «Думаю, — писал А. А. Шахматов, — что г. Тихомиров прав только отчасти: до нас путем сборника действительно дошли отрывки из жития Михаила, но сам составитель сборника внес в него не житие Михаила, а Тверскую летопись, где между прочим находились отрывки этого жития».²⁴ Это было верно в том отношении, что составитель Тверского сборника, по всей вероятности,

²² А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 220.

²³ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 232. В труде «Общерусские летописные своды XIV и XV веков» А. А. Шахматов продолжал так же определять объем «Летописца княжения Тферскаго» (ЖМНП, 1900, № 9, стр. 175 и др.).

²⁴ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 218.

имел дело с «Повестью», уже включенной в летопись. Но какую именно летопись, содержавшую «Повесть», использовал он, какова она была по своему характеру? А. А. Шахматов дает такой ответ: «В начале XV в., по распоряжению епископа Арсения, составлено житие Михаила, в середине же этого века, по распоряжению князя Бориса Александровича, сочинена Тверская летопись, существенную часть которой составило житие Михаила Александровича: из этого жития заимствовано предисловие, несколько измененное (обращения к Борису Александровичу «твое боголюбие», «честнаа главо» заимствованы, — бесспорно верно замечает в примечании к сему А. А. Шахматов, — из предисловия к Житию, где они относились к епископу) и распространенное, из него же заимствованы и другие части: историческая и риторическая (т. е. об обстоятельствах рождения Михаила и его отца — первая, характеристика правления Михаила — вторая, — Б. Д.), содержащие похвалу князю. Итак, в Тверском сборнике за указанным предисловием следует не житие Михаила Александровича, как думает г. Тихомиров, а отрывки из „Летописца княжения Тферскаго“, в который входило и интересующее нас житие».²⁵

Доказательство этого положения А. А. Шахматов формулирует так: «Действительно, странно было бы начинать житие Михаила Александровича с княжения Александра Михайловича и излагать в нем подробности о Щелкановщине».²⁶ А летопись, заключающая в себе отрывки из жития, — это явление обычное. Однако более пристальный анализ и колебания в вопросе о характере «Летописца княжения Тферскаго» привели затем А. А. Шахматова почти к отказу от этого своего аргумента. В 1900 г. он говорил о характере «Летописца»: «Этот летописец по всем соображениям состоял из двух частей: первой — жития великого князя Михаила Александровича и второй — описания первых лет княжения Ивана Михайловича со следующим затем кратким хронологическим перечнем тверских и далее московских событий XV века».²⁷ И дальше еще более решительно говорится: «„Летописец княжения Тферскаго...“ в основной своей части был не летописью, а исторической повестью о жизни великого князя Михаила Александровича...»²⁸ (разрядка наша, — Б. Д.).

Ни одной другой такой летописи, которая также в своей основной части представляла бы собой житие, не существует. Но зато существует житие Михаила Александровича в Никоновской летописи, о котором невозможно сказать, что это — что-либо иное, а не житие, хотя в начале оно и содержит исторические сведения об отце Михаила. Оно так и озаглавлено: «Повесть древняя, списана о жити великаго князя Михаила Александровича...».²⁹ Сопоставление ее с текстом Тверского сборника опровергает оба аргумента А. А. Шахматова.

²⁵ А. А. Шахматов. Разбор. ., стр. 220—221. Перед тем как сделать этот вывод, А. А. Шахматов неосновательно противопоставляет свой вывод о «Повести» в целом выводу В. О. Ключевского. Последний считал, что тот вид «Повести», который имеется в Тверском сборнике, составлен при Борисе, но что первичный вид «Повести» написан был ранее, близко ко времени Михаила. В том, что «Повесть» существовала еще до Бориса, выводы обоих исследователей как раз совпадают, но они противоречат друг другу в том, что именно заказывал Борис.

²⁶ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 221.

²⁷ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 174.

²⁸ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 144.

²⁹ ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

В «Повести о Михаиле» Никоновской летописи, как это вообще обычно для «повести о житии», после краткого вступления изложение начинается с сообщения сведений о родителях Михаила и об обстоятельствах его рождения: «Тогда бо отцу его великому князю Александру Михайловичу по Щелканове... убиении не могушу в своей отчине во Тфери жити... и сице отъиде в Псковь, и тамо родися ему сын, князь Михайло...».³⁰ По тем же самым причинам и составителю «Повести о Михаиле» Тверского сборника понадобилось начинать изложение с Александра Михайловича и событий Щелкановщины.

В Тверском сборнике от слов «Мы же елико многа без лености» (стлб. 464) и кончая словами «наипаче же елми к богу веру в делех стяжа» (стлб. 465) идет последняя часть Предисловия к «Повести о Михаиле». Она написана составителем именно того вида «Повести о Михаиле», который имеется в Тверском сборнике, так как она не находит себе соответствия в том Предисловии к «Повести о Михаиле», которое сохранилось в Н4Л. Эта часть не могла также содержаться в том первичном виде Предисловия к «Повести о Михаиле», из которого писец протографа Н4Л заимствовал только начало, а составитель «Повести» Тверского сборника взял середину и конец, послужившие ему основой для создания нового вида Предисловия (почему это так — об этом ниже). Таким образом, написанное в этой части более всего дает нам возможность определить, какой задачей руководствовался этот составитель, что именно он хотел написать. И как раз в этой части он сообщает о той «программе» своего труда, по которой он искал материал в «Русском гранографе» (программе) явно житийного труда, которую впервые заметил, как мы уже говорили, В. О. Ключевский. Наблюдение последнего получает, следовательно, новую опору.

И уже в этой части Предисловия составитель говорит об Александре Михайловиче, поясняя тут же, зачем он это делает: «его же сын, сый пресловущи Михаил, о сем же слово начахомь».³¹ Произнося имя Александра, он спешит пояснить, что пишет он о Михаиле. Прежде всего в своей «программе» составитель, естественно, «обещал» рассказать, «когда родися» Михаил; по окончании последней части Предисловия он и начинает выполнять это обещание. Таким образом, последняя часть Предисловия к «Повести» в Тверском сборнике связана с последующим текстом без какого-либо перерыва, «переделки в летопись» и т. п.; это еще раз подтверждает, что дальше идет сама «Повесть о Михаиле».

Текст самой «Повести о Михаиле» в Тверском сборнике начинается с той же цепи фактов, что и в «Повести о житии Михаила» Никоновской летописи: «Зачало рождения его сице глаголеть, яко дръжавному Александру владеюще землею Рускою...» (следует перечисление земель, на которые якобы распространялась власть Александра), «и бысть попущением божием в тыи дни възмогша иноплеменищи, глаголемии татарове, и на сего Александра завистию вземшеса... и Шевкал... приходит в православный град Тверский...» (следует изложение событий Щелкановщины).³² Далее составитель переходит к той цели, ради которой и понадобились ему описания событий Щелкановщины и судьбы Александра, к той же цели, по которой упомянул о них и составитель «Повести» Никоновской летописи: Александр «отъиде въ град свой Псков, и татарове же, Александру не сущу в Тфери, отъидоша в свою землю. Александрови

³⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

³¹ Тверской сборник ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.

³² ПСРЛ, т. XV, стлб. 465—466.

же князю в Псковской земли, ту, в велице Пскове, родися ему сынъ, съи преславный Михаил, о немже и слово грядет».³³ Снова составитель напоминает, чтобы читатель за распространенным описанием событий Щелкановщины не потерял из виду основной темы повествования, и тем самым подтверждает нам снова, что и здесь продолжается текст «Повести о Михаиле».

«Озбяз же... лестию призва к себе Александра, и уби его... Благодарному же сынови его Михаилу детьску сушу оставшюся...».³⁴ Сравним вновь с Никоновской. Там и тут налицо разные редакции «Повести о Михаиле», их авторы проводят разные идеи в своих произведениях, поэтому в Тверском сборнике распространено изложение Щелкановщины, а в Никоновской дается пространное описание поведения Александра непосредственно перед убийством его в Орде. Но и тут все подводится к тому, что «посла царь во Тферь, призва Александра к себе, и убиен бысть во Орде и с сыном своим Феодором. Другому же сыну его, князю Михаилу, младу зело, 9 лет сушу...».³⁵

Один и тот же круг фактов времени княжения Александра Михайловича понадобился обоим составителям для того, чтобы рассказать о рождении Михаила, о его отце, о том, почему Михаил, будучи наследником великого князя Тверского и Владимирского, властителя над всей Русью, оказался с самого рождения изгнанником, о том, как он рано осиротел, и в конечном счете вызвать сочувствие читателя к герою написанных ими биографий.

Итак, мы убедились в том, что изложение событий детства Михаила было принято за летопись княжения Александра, что в тексте Тверского сборника налицо «Повесть о Михаиле», а не летопись, начинающаяся со времени Александра, и не летопись времени Михаила. Здесь, напротив, в части описания Щелкановщины была переработана для нужд составления «Повести» какая-то тверская летопись, существовавшая еще до появления свода Бориса Александровича.

Мы разобрали единственное место спорного текста Тверского сборника, которое явно восходит к летописному источнику и потому может быть принято за летопись. Дальнейший текст, вплоть до слов о Семене Дмитриевиче Суздальском, тем более не подходит под такое определение. Далее в Тверском сборнике, опять-таки как и в Никоновской, говорится об отдаче Михаила в учение, о том, каким добродетельным он был еще в детстве. Затем в «Повести» Никоновской летописи рассказ переходит сразу в хвалебную характеристику правления и поведения Михаила, «егда же сяде на отчине и на дедине своей».³⁶ Ту же характеристику, со значительными фразеологическими, иногда буквальными совпадениями, встречаем и в конце рассматриваемого текста Тверского сборника.³⁷ Между нею и рассказом о добродетельной юности Михаила в Тверском сборнике идут два эпизода, которых нет ни в Никоновской, ни в других вариантах «Повести о Михаиле», но относительно их принадлежности не к летописи, а к «Повести о житии Михаила» не может быть сомнений. Где как не в житии Михаила следовало рассказать подробно о его женитьбе? И в полном соответствии с тенденцией трогательного приукрашивания образа Михаила в «Повести» Тверского сборника находится второй эпизод, рассказывающий о том, как сирота-изгнанник, возмужав, вопреки

³³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466—467.

³⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

³⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

³⁷ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469—470.

проискам завистников, с помощью божией достигает престола. Никаких следов переработки в летопись в этой (следующей после сообщения о смерти Александра) части «Повести» также не обнаруживаем. Следовательно, о летописном тексте можно говорить только после характеристики правления Михаила, заканчивающей здесь первую половину «Повести о Михаиле».

Обратимся теперь вновь к Предисловию «Повести» Тверского сборника. А. А. Шахматов, как мы видели (стр. 126), считал, что оно заимствовано из «Повести о Михаиле», заказанной епископом Арсением, но приспособлено здесь к новой задаче — открывать собой «Летописец княжения Тферскаго». Так же думает и М. А. Ильин: в своде Бориса Александровича «Повести» «придано было новое предисловие с определенной целью — возвелить род князей тверских».³⁸

Сам А. А. Шахматов, отметив, что Предисловие, имеющееся в Тверском сборнике, сделано на основе протографа Предисловия, сохранившегося в Н4Л, указал путь для опровержения собственного мнения, высказанного в связи с этим. Указание А. А. Шахматова использовал³⁹ и развил в общем в верном направлении А. Д. Седельников. Он констатировал, во-первых, что то же Предисловие, что и в Н4Л, «в урезанном виде (начиная со слов «Мудраа основания твердости...», — поясняет он, — Б. Д.) и с порчей смысла ради новой задачи» имеется и в Тверском сборнике;⁴⁰ во-вторых, что «перед автором Предисловия стояла задача написать вообще „от жития“, т. е. проделать труд, по приемам близкий к агиографии»; в-третьих, что «с этой стороны ближе стоит к Предисловию... тот текст, который сопровождает его вторичную редакцию в Тверском сборнике». В последнем же, по его мнению, «дальше вслед за текстом, отвечающим прежнему предисловию, идет, действительно, своего рода житие — панегирик Михаилу Александровичу».⁴¹ Таким образом, А. Д. Седельников считал, что в Тверском сборнике налицо именно «Повесть о Михаиле» и предназначенное именно для нее Предисловие, и он отказался от мнения А. А. Шахматова, что это Предисловие в Тверском сборнике переработано в предисловии к летописи.

А. Д. Седельников поставил также важный вопрос: «в каких генетически отношениях к Предисловию находится краткое „сказание“ IV-ой Новгородской летописи и житие-панегирик Тверского сборника?».⁴² Но ответ на этот вопрос дал в общем несколько неожиданный: «Очевиднее всего то, что Предисловие лишь присоединено к сказанию (краткому) и принадлежит другому автору».⁴³ (Что Предисловие механически присоединено к «Повести», имеющейся в Н4Л, составителем этой летописи, а не данного вида «Повести», нам представляется, в отличие от дальнейшего,

³⁸ М. А. Ильин. Тверская литература XV в., стр. 28.

³⁹ А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский»). ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 161. Работа А. Д. Седельникова получила сплошь отрицательный отзыв в вышеуказанной работе М. А. Ильина (стр. 25, 28—29). Основной ее тезис — о принадлежности Предисловия к житию перу Епифания Премудрого, а заказа на самое житие (в одном из его первичных вариантов) не Арсению, а «Корнилию-Кириллу» — представляется нам, как и М. А. Ильину, совершенно необудительным, но М. А. Ильин не заметил всего того положительного, что внес своей работой А. Д. Седельников в изучение «Повести о Михаиле», помимо этого тезиса.

⁴⁰ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 160—161.

⁴¹ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 161—162.

⁴² А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 161. «Кратким сказанием» А. Д. Седельников называет «Повесть о преставлении Михаила», имеющуюся в Н4Л, Воскресенской и других летописях.

⁴³ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 161.

беспорным). «Компилятор, писавший по повелению великого князя Бориса, мог использовать в числе других источников житие, не вошедшее почему-либо в IV-ю Новгородскую и другие летописи... Но не менее вероятно (?!) и другая возможность: обещанного Предисловием жития могло не существовать вовсе, так как автор не исполнил обещанного»,⁴⁴ т. е. выходит, что Предисловие столь же механически, за исключением переработки, связанной с переменной заказчика, присоединено и к тексту «Повести» в Тверском сборнике. А. Д. Седельников, высказав верную мысль о первой возможности, слишком рано прервал сопоставление текстов Н4Л и Тверского сборника и обратился на путь поиска автора Предисловия и заказчика «Повести» без предварительного полного текстологического анализа всех имеющихся текстов «Повести о Михаиле», воспользовавшись для этого гораздо менее вероятной второй возможностью.

Что существовало только «одинокое предисловие», а «Повести», для которой оно было написано, не было, А. Д. Седельников подтверждал доказательствами двух родов. «Замечательно, что Предисловие вошло со временем в летописи московского происхождения (IV Новгор., Воскрес.), куда попало не из тверского источника; в частности, нет его в тверском своде 1412 г., имеющем распространенную редакцию Сказания (список — Рогожский летописец)».⁴⁵ Но в Воскресенской летописи Предисловия нет, оно вообще имеется только в Н4Л и, в измененном виде, в Тверском сборнике. Вторая часть последнего — памятник тверской, а что Предисловие попало в Н4Л не из тверского источника — это требует доказательства.

Судя по содержанию Предисловия и по тому, что составитель «Повести», работавший по заказу Бориса Александровича, заимствовал его не из Н4Л (о чем ниже), и, наконец, ввиду отсутствия его в С1Л (летописи действительно московской), что указывает на отсутствие Предисловия и в общем источнике С1Л и Н4Л, и в московских источниках последнего, — Предисловие попало в Н4Л именно из тверского источника. В Рогожском же летописце, как и в общем с ним тверском протографе Симеоновской летописи, его и не могло быть, так как в Рогожском и Симеоновской имеется распространенная «Повесть о преставлении Михаила», к которой Предисловие, говорящее о написании повести о житии Михаила, могло бы быть присоединено только по чистой случайности, подобно тому, как это произошло с краткой «Повестью о преставлении Михаила» в Н4Л.

Другого рода доказательства А. Д. Седельникова таковы: «автор не пошел дальше вводных фраз, чему причина довольно прозрачно высказана тут же: он не в состоянии привести ни одного рассуждения о личности почившего князя, лишь со стороны дивился его разуму и нраву...».⁴⁶ Значит, по мнению А. Д. Седельникова, Предисловие не только существовало без своей «Повести», но и само было недописано. Чтобы проверить это, а также и верность второго аргумента из этой группы доказательств, надо представить себе объем и структуру первичного вида Предисловия.

А. Д. Седельников, очевидно, считал, что оно состояло из двух частей: первой, сохранившейся только в Н4Л, и второй, начиная со слов «мудраа основания твердости и крепости стен...»,⁴⁷ сохранившейся и в Н4Л, и в Тверском сборнике до слов «всяко прощение в оглаголении

⁴⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 162.

⁴⁵ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 162.

⁴⁶ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 162.

⁴⁷ Новгородская IV. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, 1925, стр. 386; ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

место да примем от...».⁴⁸ В таком случае, действительно, создается впечатление, что Предисловие либо было не закончено, либо не сохранилось в полном виде. Но дело в том, что есть еще третья часть, начиная со слов «ради же поистинне великаго и неудобь скажима...»,⁴⁹ которая сохранилась только в Тверском сборнике. Причем, в отличие от четвертой части Предисловия «Повести» Тверского сборника, о которой мы говорили выше, эта третья часть входила в первичный вид Предисловия, ибо по своему содержанию неотделима от него.

Все Предисловие представляет собой два развернутые и переплетенные взаимно сравнения: автора — с пришельцем, пораженным видом прекрасного города, и Михаила Александровича — с этим городом. Чтобы пояснить все сказанное выше, нам придется разобраться подробнее в художественной ткани Предисловия и для этого привести дословно первую и вторую части его по тексту Н4Л:⁵⁰ «Егда единою видевый пришлец великаго града изрядное стоание, что убо хощет рещи о нем, но токмо же в собе видению дивится, и ко инем же глаголет: „видех убо аз преславное граду видение, о нем же по части несть ми съглаголати, преудивиша бо ми ся мудрая основания твердости и крепости стен, и утвержение врат, и сведение столп, и полат украшение, разум же не прииде ми ни ко единому ухыщрению, да тем не могу инем исповедати, ибо сам аз насладихся тоя неизреченныя красоты“».⁵¹

Итак, пришелец сам видел город, но не может о нем рассказать другим потому, что рассказывать по отдельным деталям невозможно — нужно говорить о целом, а целое он не может охватить разумом, не может сопоставить о нем единого, целостного представления, дать единое истолкование, настолько поразили его отдельные части города. Так что именно потому, что он видел город сам, он и не может о нем рассказать другим. В выделенном нами месте во всех списках Н4Л стоит «не»: «сам аз не насладихся», но в старшем списке древнейшего извода Н4Л, Новороссийском, это «не» отсутствует, и верить надо Новороссийскому списку, потому что вначале трижды говорится о том, что пришелец сам видел город: 1) «единою видевый пришлец великаго града изрядное стояние», 2) пришелец говорит другим: «видех убо аз преславное граду видение», 3) далее он говорит, что его удивили городские стены, палаты и т. д., значит он их видел. Дальнейший текст представит еще одно подтверждение этому. Конечно, проще была обратная формулировка: не видел сам, потому и не могу сказать. И все остальные переписчики Н4Л вставляли привычное «не» — не видел сам, не поняв сложного художественного приема составителя первичного вида Предисловия и разрушая тем самым его художественную ткань.

Далее идет раскрытие первого сравнения: автор — пришелец. «Яко же и се в том подобное вещи, отче отцем кюрил...»⁵² иже повелел ми еси написати от жития премудраго Михаила, боголюбца князя. То же выше силы и не досяжема умалению нашему; обаче же блости подобает, да не преслушание в нас обрящется. Молю твое боголюбство, честная главо, ибо сам чюдяся мужа разуму и нравом, и не могли единого рассужения во ум привести, ослушания же бояся, да еще от великих мног малая речем, всяко прощение в оглаголании место

⁴⁸ Новгородская IV. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 386; ПСРЛ, т. XV, стлб. 463.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 463.

⁵⁰ При этом отдельные места исправляем по Новороссийскому списку.

⁵¹ Н4Л, Толстовский список, л. 42—42 об.

⁵² Здесь идет тайнопись. Присоединяемся к мнению А. А. Шахматова: зашифровано имя Арсения, «кюр» превратилось в «Кюрила» — «Кирилла» у позднейших переписчиков.

да примем от священнаго верха».⁵³ Автор, подобно пришельцу, видевшему город, также сам видел Михаила. Выделенное нами место — четвертое подтверждение того, что это так. Все четыре подтверждения вместе со свидетельством Новороссийского списка говорят о том, что пришелец сам видел город и что автор — свидетель дел Михаила. Подобно пришельцу, автор именно потому, что он сам видел Михаила и его дела, не может создать целостного суждения о Михаиле, но, в отличие от пришельца, понуждаемый повелением епископа и боясь послушания, все же принимается за дело. Здесь кончается вторая часть Предисловия.

Следовательно, второй аргумент А. Д. Седельникова отпадает: автор не потому говорит о своем бессилии, что он «человек для Твери чужой, едва знавший тверского великого князя при жизни» и со стороны только дивился ему,⁵⁴ но именно потому, что, будучи очевидцем дел Михаила, хорошо их знавшим, он не может выразить все величие Михаила и его дел, настолько он ими поражен, настолько они велики, настолько слабы силы автора.⁵⁵ Предисловие в форме двойного сравнения имело своей задачей, с одной стороны, включить обычную для житий, но в данном случае более тонкую формулу авторского самоумаления, а, с другой стороны, с самого начала, еще до основного текста «Повести», поразить читателя величием Михаила, восславить его.

Мы сказали, что автор принимается за дело, но собственно в тексте, сохранившемся в Н4Л, это еще не сказано: автор только рассуждает: если он напишет, то пусть его не осудят, а простят. К тому же и второе сравнение (город — Михаил) еще только начало раскрываться и прославление Михаила, для которого необходимо это сравнение, только еще намечено, а между тем у автора уже запасено немало поводов для развертывания второго сравнения: твердость стен и прочее и прочее. Ясно, что Предисловие не могло так кончаться, да оно и не кончилось так: в тексте Тверского сборника, в том отрезке, который мы назвали третьей частью Предисловия, находим все недостающее. Прежде всего заметно, что последняя фраза Предисловия в Н4Л оборвана и ее непосредственное (с того же слова) продолжение налицо в Тверском сборнике, благодаря чему она легко реконструируется. «Прощение в оглаголения место да примем от священнаго верха,⁵⁶ ради же поистинне великаго и неудобь сказаема,⁵⁷ и основания бо сего на твердем сем христове камени веры, по реченному глаголом, иже николиже позыбаема бурею забвения, — еже о любви [к] церкве божиа Михаила реку самодержца».⁵⁸ Оказывается, автор надеялся получить прощение епископа вместо осуждения, ради великой любви Михаила к церкви, основанной «на твердом... камне веры».

⁵³ Н4Л, Толстовский список, л. 42 об. Если воспользоваться здесь Тверским сборником, то еще яснее: «и не могый (моги — *Забелинский список*) того единого разсуждения в ум привести» (ПСРЛ, т. XV, стр. 463), т. е. «того» именно, о котором он говорил ранее по поводу города.

⁵⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 162.

⁵⁵ Между прочим, уже вследствие этого отпадает гипотеза А. Д. Седельникова о Елифании Премудром как авторе Предисловия.

⁵⁶ Здесь пропускаем вставленное составителем Предисловия «Повести» Тверского сборника: он, переделывая текст в связи с переменной адресата, выражает надежду получить прощение «от руки» князя: «всяко прощения место да примем от богодарованна ти и неисклонныя ти руки, благодетивый самодержче» (Тверской сборник, *Забелинский список*, л. 186 об.). При переделке утратился первоначальный смысл: «прощение вместо оглаголения» превратилось в бессмысленное «прощения место».

⁵⁷ Теперь нам понятно, что это значит. Если о делах Михаила и о нем самом невозможно рассказать по их величю, то и любовь этого князя к церкви тоже так велика, что «неудобь сказаема».

⁵⁸ До ссылки 56 — Н4Л, Толстовский список, л. 42 об., после — Тверской сборник, *Забелинский список*, л. 186 об.

Далее и идет прославляющее Михаила раскрытие сравнения Михаил — город: страх божий в твердом сердце Михаила — основа того града, благие нравы Михаила — стены его. Разъясняется окончательно, и почему нельзя «единого рассуждения привести» о Михаиле: «Кто бо может исцести мужа того? Многая бо и преславная съдеясая во днии блегов възраста его, елма же не многа ведуциим. Повелением же боголюбныя твоея дрѣзжавы,⁵⁹ богу наставляющу худость нашу, да убо отселе начаток поставим, а иже кто может множайшая вести, и болшая покажет».⁶⁰ Ясно, что перед нами часть Предисловия первичного вида. Вместе с тем ясно, что кончалось оно последней из приведенных фраз; здесь, наконец, автор Предисловия окончил свои колебания и приступал к изложению самой «Повести»: «отселе начаток поставим». Таким образом, получаем доказательство того, что следующая, четвертая часть Предисловия отсутствовала в его первичном виде и принадлежит уже составителю «Повести», заказанной Борисом, использовавшему до этого места Предисловие более ранней «Повести о Михаиле».

Следовательно, первичное Предисловие не было оборвано на вводных фразах, как полагал А. Д. Седельников, а было вполне закончено.

Основная редакция Н4Л составлена не позднее 1428 г.⁶¹ (начало Предисловия имеется во всех списках Н4Л), а «Повесть о Михаиле» Тверского сборника, судя по ее основной идее, заказывалась Борисом не ранее 1446 г., а может быть, и позднее.⁶² Составитель «Повести Тверского сборника нашел первичное Предисловие не в Н4Л, ибо там не было 3-й части его. Учитывая все это, представляется весьма сомнительным, чтобы вполне законченное Предисловие без каких-либо видимых причин (причины, указывавшиеся А. Д. Седельниковым, отпали) не было сопровождено «Повестью», для которой оно предназначалось, и имело в таком виде хождение около 20 лет. В то же время отмечавшееся сходство состава «Повести» Никоновской летописи и Тверского сборника (а первичное Предисловие несомненно предназначалось для «Повести о житии и преставлении Михаила», где и должно было «исцесть» дела «великого мужа») показывает, что, по всей вероятности, «Повестью», для которой предназначалось это Предисловие, должна была быть сходна с «Повестью» Никоновской летописи или с «Повестью» Лицевого свода (они близки друг к другу). Эти первичные Предисловие и «Повесть» находились в каком-то более раннем тверском своде, из которого сперва списал начало Предисловия составитель Н4Л, а затем из него же использовал «Повесть» и ее Предисловие составитель «Повести» Тверского сборника. Таким образом, оказывается верной первая возможность — использование им «Повести», не вошедшей в Н4Л, и неверной вторая возможность из высказанных А. Д. Седельниковым, как неверны и выводы его, идущие по линии этой последней (см. стр. 129—130).

Что же именно сделал с первичным Предисловием составитель, работавший по заказу Бориса Александровича? Списал ли он механически

⁵⁹ «Держава» — опять-таки замена, сделанная составителем «Повести» Тверского сборника. Слова Забелинского списка о том, что «не многие знают», сколько славных дел было во дни правления Михаила, — еще одно (пятое) подтверждение того, что автор первичного Предисловия хорошо (лучше, чем многие другие) знал Михаила и его дела. Это также еще раз подтверждает сказанное, в прим 55.

⁶⁰ Тверской сборник, Забелинский список, л 186 об.

⁶¹ Д. С. Лихачев Русские летописи и их культурно-историческое значение. М—Л 1947, стр 450

⁶² Полностью разбирать содержание «Повести» в рамках настоящей статьи мы не можем

только часть его, внеся лишь изменения в связи с переменной адресата, и столь же механически отбросил его начало, как полагал А. Д. Седельников, или он переработал его в «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», как полагал А. А. Шахматов? Ни то, ни другое. Имел ли этот составитель перед собой вполне исправный текст первичного Предисловия — без «не» при «насладихся» (см. стр. 131) — или уже испорченный по непониманию этой вставки, но он, в отличие от переписчиков Н4Л, разобравшись в смысле сказанного составителем первичного Предисловия (либо заметил также получающееся от вставки «не» противоречие) и вполне сознательно вставил в свой текст это «не». Сознательно, так как он вообще последовательно провел в своем тексте более стандартную формулу авторского самоуменьшения. Он убрал всю первую часть Предисловия, где были указания на то, что пришелец сам видел город. Заменял «не могу инем исповедати» на «не могу [о] реченнем поведати». ⁶³ По первоначальному замыслу очевидец только другим не может выразить то, что сам знает и видел, здесь же получилось, что автор вообще не может рассказать то, чего он не видел и не знает. В целом у него получилось так: «Мудраа основания твердости и крепости стен... разум же не придет ни ко единому ухищрению». Потому («да тем») «не могу [о] реченнем поведати», что («ибо») «сам аз не насладихся тоя неизреченныя красоты, якоже и се в той подобныя вещи». ⁶⁴ Смысл получился такой: бывает так, что есть прекрасные вещи, но ничего о них не можешь сказать, если сам их не видел, так же и я ничего не могу сказать о Михаиле. Составитель, работавший по заказу Бориса Александровича, писал гораздо позже автора первичного Предисловия, он действительно не мог видеть Михаила, поэтому он сознательно разрушил сравнение автор—пришелец.

Как видим, когда составителю времени Бориса это было нужно, он довольно радикально и достаточно последовательно перерабатывал свой источник. Следовательно, третью часть первичного Предисловия и сравнение Михаил—город он сохранил тоже сознательно. Они понадобились ему, как и автору первичного Предисловия, для прославления Михаила. Значит, новое Предисловие, которое он делал, должно было открывать собой произведение, посвященное прославлению именно Михаила, а не трех великих князей тверских и не всего рода тверских князей.

Содержание же четвертой части Предисловия, написанной им самостоятельно, как мы уже видели ранее, подтверждает (авторская житийная программа), что новое Предисловие писалось им для «Повести о житии Михаила» и непосредственно предваряло собой ее текст («о нем же и слово начахомь»; см. стр. 127). Дополнить переработку старого Предисловия четвертой частью ему понадобилось для того, чтобы показать высокое происхождение Михаила и высокое положение его отца и тем самым уже здесь начать рисовать образ «сироты-изгнанника, наследника властителя всей Русской земли». Итак, и у Предисловия, и у самой «Повести» Тверского сборника имеются общие черты, они неразрывно связаны друг с другом. Предисловие предназначалось для этой «Повести». А. А. Шахматов был неправ: никакой переделки первичного Предисловия в «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» составитель данного текста Тверского сборника не производил, и Борис ему этого и не заказывал, он заказывал «Повесть о Михаиле».

Подведем первый итог. Ни в пределах текста, занимаемого в Тверском сборнике Предисловием к «Повести», ни в пределах текста, занимаемого

⁶³ ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

там же самой «Повестью», не оказалось ни «Предисловия Летописца княжения Тферскаго», ни текста самого этого «Летописца». Мнение А. А. Шахматова об особом характере «Летописца» оказывается неверным: в Тверском сборнике, в пределах спорного текста (от заголовка до слов о Семене Суздальском), находится не летопись, переделанная из «Повести», а текст самой «Повести о Михаиле», вставленной, как обычно это имеет место, в летопись. Мы получили ответ на основной вопрос спора о взаимоотношении в тексте Тверского сборника между «Летописцем» и «Повестью».

Однако вопрос о том, что именно стоит в тексте Тверского сборника под 1402 г., не исчерпывает собой всех вопросов этого спора. Вторым является вопрос о том, что именно находится в Тверском сборнике под 1399 г., т. е. об отношении к «Повести о Михаиле» Тверского сборника рассказа о смерти Михаила, имеющегося в нем же. Этот вопрос касается нашей темы потому, что тесно связан с третьим вопросом спора — о самом заголовке «Предисловие Летописца», который имеется в тексте Тверского сборника.

Заголовок не только не соответствует тексту, но и находится не на месте — возражали А. Ф. Бычкову. Почему именно с 1402 г. начиналась летопись княжения Михаила, тем более Александра? Почему летопись эта начинается здесь после рассказа о смерти Михаила? Возражения такого типа, как и то возражение, что рассказ о смерти Михаила в Тверском сборнике принадлежит «Повести»,⁶⁵ А. А. Шахматов отвел тем, что связал материал второй части Тверского сборника в основном с двумя различными сводами: сводом 1499 г. и «Летописцем княжения Тферскаго», которыми, по его мнению, пользовался составитель второй части Тверского сборника (это положение одинаково присуще работам и 1899 и 1900—1901 гг.). Но составитель этот в разных местах второй части Тверского сборника, говорит А. А. Шахматов, в разной степени использовал свои два основных источника. «Определяя, что именно в Тверском сборнике восходит к этому первому источнику его (Летописцу княжения тверского), укажем, что до 1402 года, то есть до предисловия тверского летописца, из него могли быть заимствованы некоторые отдельные рассказы и небольшие заметки о тверских событиях, начиная с княжения Александра Михайловича... Далее к первому источнику восходит краткий рассказ о княжении Михаила Александровича и предшествующее ему предисловие, помещенные под 1402 г. (XV, 463—470),⁶⁶ некоторые части летописного рассказа о княжении Ивана Михайловича... и, наконец, те тверские (а частью и московские) известия XV века, которых нет в известных нам московских летописных сводах. Второй источник Тверского сборника в части до 1402 года включительно восстанавливается путем исключения из текста сборника только что указанных вставок из первого источника, а после этого года к нему должно возвести все то, что по тем или другим основаниям не может быть отнесено к первому источнику».⁶⁷ Таким образом, в части до 1402 г. составитель пользовался преимущественно сводом 1499 г., а после 1402 г. — преимущественно «Летописцем княжения Тферскаго».

Избрание гранью 1402 года было обусловлено не столько наблюдениями над текстом Тверского сборника (в действительности состав Сборника гораздо сложнее), сколько тем же предвзятым и неверным мнением о соответствии текста 1402 г. заголовку, открывающему его, и вытекающим

⁶⁵ Об этой точке зрения В. О. Ключевского и И. А. Тихомирова по данному вопросу мы уже говорили на стр. 122—123.

⁶⁶ Т. е. основная часть «Повести о Михаиле».

⁶⁷ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 145.

отсюда выводом о том, что «основное ядро» «Летописца княжения Тферскаго» лежит после и около 1402 г.⁶⁸ Сделав гранью 1402 год, А. А. Шахматов разрезал надвое текст «Повести», имеющийся в Тверском сборнике (точнее, закрепил генетически тот разрез ее на две части и постановку второй части перед первой, которые были сделаны рукой древнего компилятора). Основная часть «Повести», по мнению А. А. Шахматова, восходит (как мы читали в приведенной цитате) к «Летописцу княжения Тферскаго», а «рассказ о смерти Михаила Александровича (1399 г.) восходит непосредственно к своду 1499 г.»⁶⁹

В 1899 г. А. А. Шахматов еще считал, что первоначально было одно житие Михаила, к которому восходят в конечном счете и рассказ о смерти Михаила, имеющийся в Тверском сборнике под 1399 г., и рассказ о его рождении, детстве и пр., имеющийся там же под 1402 г., но что они попали в Тверской сборник разными путями и потому и стоят там под разными годами. «Может быть, — говорил он, — в Тверской летописи начала XV века читалось все житие Михаила, может быть, им оканчивалась эта летопись, но составитель ростовского свода (1419 г., — Б. Д.) заимствовал из него лишь несколько строк предисловия и конец жития — описание смерти князя. Сводчик Новгородской IV-й летописи внес все это в свой летописный сборник, тогда как московский сводчик 1499 года ограничился только рассказом о кончине князя, опустив предшествующие ему строки предисловия».⁷⁰ В этом виде, значит, рассказ о кончине и попал из свода 1499 г. в Тверской сборник. Подчеркиваем, в том же виде, в каком он (помимо Предисловия) читается в Н4Л. А составитель «Летописца княжения Тферскаго» взял из жития Михаила начало его — предисловие и «части историческую и риторическую» (см. стр. 126).

Однако включение в круг исследования А. А. Шахматова Никоновской и Симеоновской летописей, а, главное, логика развития исходных положений А. А. Шахматова, в основе которых лежала ошибка А. Ф. Бычкова, привели в работе 1900—1901 гг. к окончательному расчленению текста «Повести» Тверского сборника. В исследовании «Общерусские летописные своды» А. А. Шахматов писал об открытом им здесь Владимирском полихроне Фотия 1423 г., определяя его состав и расположение в нем материала: «Под... 1399 годом внесено было в полихрон житие вел. кн. Михаила Александровича Тверского и притом, по-видимому, вслед за рассказом о кончине этого князя, восходящим к Тверской летописи. Житие Михаила Александровича (оканчивавшееся особым от летописного описанием его смерти) было составлено... после 1410 года по распоряжению тверского епископа Антония. Присутствие этого жития в полихроне доказывается не только Никоновскою и Симеоновскою летописями, но и Новгородскою IV-ю, сохранившею предисловие к этому житию и поместившею его⁷¹ перед другим (летописным) рассказом о кончине Михаила Александровича (ср. IV, 359; начало летописного рассказа, со слов «По Госпожине дни»). Таким образом, в полихроне о кончине Михаила Александровича было два рассказа: один летописный, а другой житийный. Вот причина, почему большинство летописных сводов, ограничившись летописным рассказом (весьма, впрочем, обстоятельным), оставляло в стороне Михайлово житие».⁷²

⁶⁸ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 217.

⁶⁹ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 224.

⁷⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 219.

⁷¹ В ЖМНП напечатано явно ошибочно — «ее».

⁷² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1901, № 11, стр. 64.

Итак, один «сочинитель имел первоначально мысль написать только от жития премудраго Михаила боголюбца князя, причем, работая над этим житием, он исполнял поручение, данное ему тверским епископом Антонием (поставленным в 1410 г.). Но в княжение Бориса Александровича была задумана летопись о тверских князьях: сочинитель ее, говорящий о себе в предисловии и заменивший имя Антония именем князя Бориса, положил в основание житие Михаила Александровича, но дополнил его рассказом о княжении Ивана Михайловича»⁷³ и т. д. «Особое житие Михаила»,⁷⁴ составленное после 1410 г., попало через Владимирский полихрон и «Летописец княжения Тферскаго» в Тверской сборник, где и читается под 1402 г. Оно же через тот же полихрон попало в Никоновскую и Симеоновскую летописи. Третий же сочинитель неизвестно когда,⁷⁵ но во всяком случае до 1423 г., написал «летописный рассказ о кончине Михаила», который через тот же полихрон и далее — свод 1499 г. (вторую сокращенную редакцию общерусского свода — «полихрона», как называет его А. А. Шахматов) попал в Тверской сборник, где и помещен под 1399 г. Этот же именно «летописный рассказ» находится и в Н4Л, С1Л и Воскресенской летописи, куда он попал из того же Владимирского полихрона, но уже через посредство свода 1448 г.

Таким образом, А. А. Шахматов утверждал, что в Тверском сборнике — два разных памятника о Михаиле: «летописный рассказ» о кончине Михаила под 1399 г. и часть (без окончания) «особого жития Михаила» под 1402 г. Именно работа «Общерусские летописные своды XIV и XV веков» прибавила к старой ошибке А. Ф. Бычкова еще новую, оказавшую не меньшее задерживающее влияние на изучение «Повести». Расчленение материала данного варианта «Повести» лишило возможности исследовать этот вариант в его целом, так как поставило под сомнение имевшееся определение границ его текста, запутало вопрос о его взаимоотношениях с другими вариантами «Повести» и т. д. (например, по А. А. Шахматову выходит, что конец жития Михаила, имеющегося в Тверском сборнике под 1402 г., находится в Никоновской и Симеоновской летописях). Вследствие принятия мнения А. А. Шахматова о двух памятниках о Михаиле в Тверском сборнике, некоторые современные исследователи считают возможным, рассматривая «Повесть о Михаиле» Тверского сборника, вовсе не упоминать о наличии там рассказа о смерти Михаила, для них как бы ничего не существует до заголовка «Предисловие Летописца». Так поступает в вышеуказанной работе М. А. Ильин. С. К. Шамбинаго говорит: «В Тверском сборнике... осталось только два отрывка: жизнеописание до борьбы с дядей Василием и начало вокняжения Михаила».⁷⁶

Ошибочность этого расчленения материала варианта «Повести» Тверского сборника становится очевидна, если при исследовании пути «Повести» по летописным сводам уделить большее внимание сопоставле-

⁷³ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 175.

⁷⁴ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 163.

⁷⁵ В «Общерусских летописных сводах» А. А. Шахматов оставил без ответа этот вопрос, поскольку он здесь отказался от мнения об одной первичной «Повести о Михаиле». Изменив датировку появления первоначального «житийного рассказа» (а также и определение его заказчика), он не дал новой датировки «рассказу летописному».

⁷⁶ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 245. Сделанный нами выше разбор текста «Повести» Тверского сборника и сличение его с «Повестью» Никоновской летописи показывают, что текст первой не является отрывочным и может содержать только мелкие пропуски, так как в нем налицо весь состав эпизодов, свойственный вообще «Повести о житии Михаила».

нию вариантов «Повести». Мы уже приводили (стр. 135) мнение А. А. Шахматова о распределении материала Тверского сборника между его двумя основными источниками и видели, что в пределах до 1402 г., согласно этому мнению, составитель второй части Тверского сборника пользовался обоими этими источниками. Значит, рассказ о смерти Михаила мог попасть в Тверской сборник и из того же свода, из которого была взята основная часть «Повести», стоящая под 1402 г., будь то «Летописец княжения Тферскаго» или какой-либо иной по своему характеру свод Бориса Александровича. В таком случае даже по схеме А. А. Шахматова возможна принадлежность данного рассказа о смерти Михаила к тому же самому, стоящему под 1402 г., виду «Повести», заказанному Борисом. А. А. Шахматов только по одной причине относит рассказ о смерти Михаила к другому источнику Тверского сборника: он относит к «Летописцу княжения Тферскаго» вообще те известия, «которых нет в известных нам московских летописных сводах». И в работе 1899 г. (см. стр. 136), и в работе 1900—1901 гг. (см. стр. 137) А. А. Шахматов относит рассказ о смерти Михаила к иному своду, нежели самую «Повесть», потому что считает этот рассказ тождественным с рассказом о том же в московских сводах. Это наблюдение появилось в работе 1899 г. и не было ни проверено, ни отменено в последующей «Мы, — писал А. А. Шахматов, — находим в Воскр. статью „О преставлении князя Михаила“; начинается она словами: „того же лета, по празднице госпожине дни, разболеся князь Михайло“. Ту же статью содержит Новгородская 4-я летопись, но начало ее несколько иное, так как здесь сохранилось краткое предисловие к житию... за этим предисловием самый рассказ начинается так же, как в Воскр.: „По госпожине дни, князь великий Михайло Александрович Тферьский разболеся“ В Тверском своде сохранился тот же отрывок, причем начало его тождественно с Воскр. летописью: „Того же лета, по госпожине дни...“. Естественно возникает предположение, что в рассмотренные три свода этот отрывок попал из одного общего основного источника, основного летописного свода; такое предположение тем естественнее, что во всех них отрывок этот следует непосредственно за рассказом о бое Витовта с Темир-Кутлумем, причем заглавие отрывка в Воскр. и Новг. 4-й одинаково читается вслед за... словами, которыми заключается перечень павших в бою литовских князей (перечень этот в Твер. сборнике... опущен)».⁷⁷

Но это наблюдение неверно, так как А. А. Шахматов ограничился учетом только начальной фразы и места рассказа в летописи. Сходство рассказов Н4Л (за вычетом Предисловия) и Воскресенской бесспорно. Но рассказ о смерти Михаила в Тверском сборнике как раз не сходен с рассказами остальных двух летописей. Это — другой рассказ, из другого жития о Михаиле. Мы не говорим уже о том, что оба рассказа различны совершенно по изложению, рассказ Тверского сборника имеет совсем иное окончание и не имеет той заключительной похвальной характеристики Михаила, которая есть в Н4Л. А наиболее важно то, что в рассказе Н4Л в центре внимания рассказчика — «завещание» Михаила, раздел уделов, им произведенный. В Тверском сборнике этот раздел исключен вовсе и внимание сосредоточено на назначении Ивана преемником Михаила. Соответственно различно построены и оба рассказа: одинаковые в основном по составу, что вызвано и одинаковостью описываемых событий, и одинаковостью жанра произведений, и, возможно, зави-

⁷⁷ А. А. Шахматов. Разбор... стр. 218. Отсутствие в Тверском сборнике перечня павших князей — первый сигнал о частичной неверности всего этого наблюдения.

симостью одного рассказа от другого, они различны по своему отношению к описываемым событиям. Автор рассказа Тверского сборника подробно говорит только о том, что было уже после того, как Михаил попрощался с детьми, «веля же последовати благым своим нравы, братолюбие имети».⁷⁸ По сравнению с тем, как детально описывается эта сцена в Н4Л и как обстоятельно там рассказано, что именно завещал своим детям Михаил, здесь, в Тверском сборнике, автор просто обходит эту сцену, глухо, скороговоркой сказав лишь только одну приведенную фразу. Он выбросил то, что обычно в древнерусских памятниках точно передавалось и сохранялось, — текст «завещания» Михаила, описание раздела уделов. Ему зато важно то, что после пострижения в монастыре Михаил призвал епископа Арсения и распорядился о вокняжении Ивана, и то, как объявил об этом Арсений народу; и что ответил народ (последнее — черта, редкая в памятниках древней Руси). Для автора же рассказа Н4Л ход событий как бы оканчивается с пострижением Михаила. После этого он кратко сообщает, что Михаил «пребыть в монастыри 7 днии, и в той же день преставися»,⁷⁹ и переходит к заключительной похвале Михаилу, отсутствующей, как мы уже сказали, в Тверском сборнике.

Ясно, что это два разных рассказа, что они написаны разными лицами и с неодинаковыми целями. Того «летописного» рассказа, который был во Владимирском полихроне и имеется в Н4Л, нет в Тверском сборнике.

А. А. Шахматов считал, что в Никоновской, Симеоновской и в Тверском сборнике (под 1402 г.) — одно и то же житие Михаила, только «в Симеоновской начало жития опущено»,⁸⁰ а в Тверском сборнике оно переработано в «Летописец». Поскольку выяснилось, что «Повесть» Тверского сборника не подвергалась такой переработке, то тем более (если верна шахматовская схема движения «Повести» по летописным сводам) она должна быть тождественна «Повести» Никоновской летописи. Отсутствующий же, по мнению А. А. Шахматова, в Тверском сборнике конец ее — рассказ о смерти Михаила — должен находиться в Никоновской и Симеоновской.

Однако сличение текстов «Повестей» Никоновской летописи и Тверского сборника показывает, что они представляют собой две разные редакции этого памятника, написанные разными лицами и с разными целями. Обе они сходны по своему составу, «Повесть» Тверского сборника несомненно составлялась на основе «Повести», сохранившейся в Никоновской летописи, но в них на каждом шагу встречаемся с различным отношением их составителей к одним и тем же фактам и явлениям.

Мы уже отмечали, что составитель «Повести» Никоновской летописи большое внимание уделил поведению Александра Михайловича после Щелкановщины, тогда как составитель «Повести» Тверского сборника, напротив, интересуется более всего его поведением во время событий Щелкановщины. И это не случайно. Для составителя «Повести» Тверского сборника главный враг Александра Михайловича, Твери и всей Руси — татары. Только они виноваты в событиях Щелкановщины, а затем и в гибели Александра. Щелкан с Азбяком все это сами задумали и провели, «завистью вземшися на сего Александра». Составитель не жалеет резких эпитетов при упоминании имен обоих: «нечестивый», «поганный», «окаянный», «лукавейший». Составитель же «Повести» Никоновской летописи иначе относится к татарам. Щелкан для него только «Щелкан

⁷⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 460.

⁷⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 389.

⁸⁰ А. А. Шахматов. *Общерусские летописные своды...* ЖМНП, 1901, № 11, стр. 64, прим. 1.

Дюденевиц, братаничъ Азбяка Ординскаго царя».⁸¹ Ни одного резкого эпитета по адресу обоих он не дает. Азбяк даже выглядит у него благородным, он умеет оценить «сладость словес» и мудрость оправдывающегося смиренно перед ним Александра и сначала даже жалуется на него за это. Если он потом и убивает Александра с сыном, то это только потому, что «бе бо от неких оклеветани быша».⁸² И для составителя «Повести» Никоновской летописи все дело в этих «неких», а не в татарах.

Почему Александр после Щелкановщины не остался в Твери? Составитель «Повести», работавший по заказу Бориса, отвечает так: Александр спасает Русь и Тверь, уходя из Твери, отводит от них гнев татар, нависший над ним за его расправу над Щелканом, будучи не в силах одолеть Орду. «Святоучительный же епископ Андрей учаше православного не събирати воя, ни вопреки глаголати цареви. Его же послуша разсудительный, и отиде во град свой Пськов. Татарове же, Александру не сушу в Твери, и отъидоша в свою землю».⁸³ Составитель «Повести» Никоновской отвечает иначе: Александр ушел «не могущу в своей отчине, во Тфери, жить, татарского насилия и гонения тръпети, еще же и от братии своей, великих князей русских, разгласиа и розмириа».⁸⁴ Уходит не из-за татар, а из-за русских «неких» князей, которые натравливали на него татар. Свои, русские, — главный враг Александра, они виноваты во всем, и в гибели Александра.

Отношение ко всей Руси в этих «Повестях» прямо противоположное: в Тверском сборнике все время подчеркивается роль и положение Александра во всей Руси, он заботится обо всей Руси, он представляет собой главу всей Руси. Для того чтобы погубить Русь, татарам надо прежде сломить Александра. В Никоновской же о Руси вообще ни слова, и, решая вопрос о том, идти или не идти ему к Азбяку, Александр заботится даже не о Твери (о Руси нет и помину), а о том, «что убо ми будет и детям моим?.. Дети мои лишени будут княжения своего».⁸⁵ Он заботится больше всего о своей династии, о своем наследственном праве. Дума — такая близкая сердцу не только многих князей, но каждого боярина-вотчинника.

Отношение к Москве также различное. В Тверском сборнике Иван Калита обвиняется только в том, что поддался силе татарской и свои счеты с Тверью поставил выше общерусского дела, пошел против своих вместе с врагом: после убийства Шевкала «татарове... видевше ся посрамлени, събрашеся множество бесчисленное татарь, с ними же Иван Московский грядяше и вож имь на грады Тверския бываше».⁸⁶ Он опустился до роли татарского проводника, но и только. Татары сами все начали. В Никоновской же автор «Повести» показывает, что дело было не в татарах, а в борьбе Ивана Калиты против Александра, и началось все с него. Азбяк пожаловал Александра великим княжением Тверским, а Калита снова восстановил против Александра татар и добился гибели его. Александр «прииде во Тферь на великое княжение, а с ним послы — князь Киндяк и Авдул... И отпусти сына своего князя Феодора с послы царевыми, с Киндяком и Авдулом, ко царю Азбяку во Орду; а с великим князем Иваном Даниловичем Московским не докончаша и мира не взяша; и пришедшу князю Феодору Александровичю Тферскому во Орду...

⁸¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 175

⁸² ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

⁸³ Тверской сборник, Забелинский список, л. 187 об.

⁸⁴ ПСРЛ, т. XI, стр. 175

⁸⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XV, столб. 466

а царь Азбяк уже zelo гневен на великаго князя Александра Михаиловича и на сына его Феодора, бо бе от неких оклеветани быша».⁸⁷ Затем Азбяк призвал Александра и убил его вместе с сыном. Автор подает все в такой взаимосвязи, что становится ясно, что «некие клеветавшие» — это Калита и его люди, и те великие князья русские, от «розмириа» которых ранее Александр ушел из Твери, — это тоже Калита и его сторонники. Главный враг — Москва, а не татары, — хочет сказать автор «Повести» Никоновской летописи. Автор «Повести» Тверского сборника по этим вопросам противоположного мнения.

В Никоновской летописи подчеркивается роль в жизни Михаила новгородского архиепископа Василия как крестного отца и учителя, а в жизни Александра — митрополита Феогноста. В Тверском сборнике на месте Феогноста — епископ Андрей, о Василии вообще ни слова, Михаил учится не в Новгороде, а в Киеве. Мы уже упоминали о том, что в Тверском сборнике имеются два эпизода, которых нет в Никоновской (см. стр. 128—129).

В Никоновской «юношеские добродетели» Михаила сводятся только к нравственно-религиозным: «отрок... в церкви всегда обретаешя, детских же играний и глумлений отлучаешя, но всегда божественному писанию прилежаешя»⁸⁸ и т. д. В Тверском же сборнике показывается, как наряду с изучением святых книг Михаил с детства учился делу правления княжеством. Михаил здесь «дружину благоумную совокупляше себе и с теми царьскими утешеньми благочинне веселяшяся. Иереи же и слугы церковныя в чти имяше, zelo же любляше иноческий чин... Наипаче же всегда поучашяся, како суды исправлявати и како обыдимыя и маломощныя от насилствуемых избавляти, и с мудрыми земля всегда всегда беседовашя».⁸⁹ Сказано ясно: духовных почитал, но важнее этого для него было заботиться о народе. И советовался о том, как укоротить «насилствуемых» не с иереями, а с «мудрыми своей земли», принимая от иереев только благословение и молитву: их дело молиться, а не в правлении участвовать. А кто же эти «мудрые»?

Хвалебная характеристика правления Михаила имеется как в Тверском сборнике, так и в Никоновской и Симеоновской. Но если в двух последних эти характеристики сходны между собой (различия «Повестей» Симеоновской и Никоновской в данной связи не важны), то имеющаяся в Тверском сборнике резко отличается от них. Достаточно указать на то, что в Никоновской в качестве главного достоинства Михаила как правителя указывается, что он «наипаче же святители, яко самого Христа почиташе и любляше, и священники же и иноки паче князей почиташе»,⁹⁰ и далее подробно рассказывается, как «милостив бе на иноческий чин» Михаил. В Симеоновской говорится то же, но короче, без последующего подробного рассказа.⁹¹ А в Тверском сборнике это место в характеристике правления Михаила вообще отсутствует и вместо этого главным достоинством Михаила как правителя признается то, что он «сладок же беяше дружине своей, яко не любляше злата, ни риз многоценных, но вся, елико имеяше, и сим подароваше, дружине своей».⁹² Далее рассказывается подробнее о любви Михаила к дружине, причем видно, что это не просто риторическая похвала — перепев старинного мотива восхваления древне-

⁸⁷ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

⁸⁸ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

⁸⁹ Тверской сборник, Забелинский список, л. 188.

⁹⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 177.

⁹¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, 1913, стр. 144.

⁹² Тверской сборник, Забелинский список, л. 189—189 об.

киевских князей, но что речь идет о конкретной дружине XIV—XV вв., о симпатиях Михаила к определенному социальному слою, а не к какому-либо узкому кругу его сподвижников. Речь идет об определенной «внутренней» политике Михаила. Становится понятным, кто эти «мудрые земли», о которых говорилось выше. В результате этой политики Михаила, говорит составитель, работавший по заказу Бориса Александровича, «сего ради... и двор его день от дне множайше крепляшеся».⁹³ Любый дворянин, «слуга вольный», захотел бы пойти на службу к такому князю, — так описана любовь его к ним в данной «Повести».

Не так легко найти в древнерусской литературе более резкую противоположность взглядов: «Михаил, как самого Христа, любил святителей, князей церкви», — уверяет писавший для епископа Арсения; «Михаил больше золота любил своих дружинников-дворян», — возражает ему перерабатывавший первичное житие для великого князя Бориса Александровича. Ясно, что и читатели, к которым обращался составитель «Повести» Тверского сборника, иные, чем те, на которых рассчитывал составитель «Повести» Никоновской. Различием социальных позиций составителей обеих «Повестей», из которых один писал с позиции бояр-вотчинников, а другой — с позиции дворян,⁹⁴ и объясняется противоположность их отношения к общерусскому единству, к Москве и к татарам, различие их представлений об идеале князя.⁹⁵

Итак, в Тверском сборнике под 1402 г. сохранилась другая «Повесть о Михаиле», нежели та, которая находится в Никоновской летописи и часть которой (хвалебная характеристика правления Михаила) сохранилась в Симеоновской. «Повесть о житии и преставлении Михаила» не просто переходила из одного летописного свода в другой, представляя собой при этом все ту же ее редакцию, как это было с краткой «Повестью о преставлении Михаила», которая именно так перешла из Владимирского полихрона — свода Фотия 1423 г. в Н4Л и С1Л и далее в Воскресенскую и другие. «Повесть о житии и преставлении Михаила» представлена разными редакциями в Никоновской и Тверском сборнике, третьей редакцией является сделанная на основе этой же повести распространенная «Повесть о преставлении Михаила» Симеоновской летописи и Рогожского летописца. Следовательно, она перерабатывалась многократно за время своего движения по летописным сводам. Поскольку в связи с этим шахматовская схема движения «Повести» по летописным сводам оказывается неверной, возможно, что и сами своды, в которых она находилась, были иными, чем думал А. А. Шахматов.

Возвратимся к рассказу о смерти Михаила Тверского сборника. Он не является тождественным и с рассказами о том же Никоновской и Симеоновской. Прежде всего он гораздо короче последних, хотя начинается с того же, что и они: с сообщения о приходе посланцев с иконой из Царьграда. В нем пропущен целый ряд эпизодов, имеющих в Никонов-

⁹³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

⁹⁴ «По летописи двор — это прежде всего совокупность военных слуг» (В. Т. Пашуто. Очерки истории СССР IX—XIII вв. 1953, стр. 288). Речь идет о XII в. В исторической науке термин «дворяне» принято употреблять часто в узком смысле слова — только для дворян-помещиков, т. е. для времени начиная с конца XV — начала XVI в., когда оформляется поместная система. Но это не мешает нам употреблять, вместе со специалистами по истории XII—XIII вв., этот термин в широком смысле слова: для всех видов служилых феодалов, т. е. владевших землей в качестве условных держателей.

⁹⁵ Мы не приводим всех доказательств в пользу этого утверждения, как и вообще не приводим всех возможных доказательств относительно содержания упоминаемых вариантов «Повести о Михаиле», поскольку это можно сделать полностью только в работе, специально посвященной «Повести о Михаиле».

ской и Симеоновской. Поскольку рассказ Симеоновской в основном сходен с рассказом Никоновской, за исключением 4 мест, не имеющих в данном случае значения, мы будем сравнивать Тверской сборник с Никоновской.

В Тверском сборнике, по сравнению с Никоновской, отсутствуют: размышления Михаила накануне встречи иконы и ночная молитва Михаила, в которых он, пока еще самому себе да богу, говорит о желании постричься в монашество; разговор Михаила с епископом Арсением наедине о том же; рассказ о смятении в городе при распространении известия о намерении Михаила постричься. Речь Михаила перед иконой сокращена и совершенно изменена по смыслу: в Никоновской Михаил опять-таки говорит о своем желании принять монашество: «да у тебе почюю, прежде даже не отъиду»,⁹⁶ а в Тверском сборнике он просит у бога сподобить его «неосужденно стати пред тобою на страшном... суде».⁹⁷ Совершенно изменена речь Михаила к народу по выходе из храма Спаса: в Никоновской он в ней сам всенародно назначает себе преемника, а в Тверском сборнике только просит прощения у народа, а у бога царствия небесного. Ответ народа в Тверском сборнике также отсутствует. Сцена пострижения Михаила Арсением в Тверском сборнике сокращена до одной фразы — сообщения о самом факте. О дальнейшем пребывании Михаила в монастыре в Тверском сборнике не упоминается. Зато в нем, в отличие от Никоновской, сам Михаил, уже после пострижения, сообщает епископу имя своего преемника, и уже епископ объявляет его народу. Весь дальнейший текст Никоновской, начиная с пострижения Михаила, начисто отсутствует в Тверском сборнике, где после этого сообщения идет гораздо более короткий и совершенно иной текст.

Итак, если оказалось, что в Тверском сборнике имеется особый, не сходный с прочими, рассказ о кончине Михаила и особый, не сходный с прочими, вид «Повести о Михаиле», у которого недостает конца, то следует считать доказанной отодвинутую в забвение авторитетом А. А. Шахматова догадку В. О. Ключевского и И. А. Тихомирова о том, что это части одного и того же произведения, разрезанного позднейшим составителем: «конец его он поместил под годом смерти Михаила, так как в последней части жития описывалась кончина князя, а начало жития он поместил дальше, не заботясь о хронологической точности».⁹⁸

Этот вывод подтверждается при рассмотрении следующих двух вопросов. Во-первых, если наш вывод неверен, то может ли рассказ о преставлении Михаила «Повести» Никоновской летописи или «Повести» Симеоновской летописи являться, как это утверждал А. А. Шахматов, отсутствующим в Тверском сборнике концом «Повести» этого сборника? И, во-вторых, если наш вывод верен, то подходит ли рассказ о смерти Михаила Тверского сборника в качестве окончания к «Повести» Тверского сборника?

Концом «Повести» Тверского сборника не может являться рассказ о преставлении Михаила «Повести» Никоновской летописи прежде всего потому, что в нем Михаил, прощаясь с народом, объявляет: «... се вам оставляю любимаго и старейшаго сына моего В а с и л и а, да будет вам князь в мое место...».⁹⁹

Иначе сказано в так называемом «Древнем летописце» — Лицевом своде эпохи Грозного. Но этот последний представляет собой особый летописный свод, хотя и имеющий в основе Никоновскую. Этот свод со-

⁹⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 179.

⁹⁷ ПСРЛ, т. XV, стлб. 459.

⁹⁸ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 283.

⁹⁹ ПСРЛ, т. XI, стр. 181.

держит и особый вид «Повести о житии и преставлении Михаила», ближе всего стоящий к «Повести» Никоновской летописи, но содержащий существенные отличия от нее, представляющий собой особую редакцию «Повести», до сих пор исследователями этого памятника не изучавшуюся.

В окончании «Повести» Тверского сборника княжество не могло завещаться Василию, ибо в ней уделяется особое внимание Ивану Михайловичу. Эпизод о женитьбе Михаила, имеющийся только в ней, вставлен едва ли не исключительно с той целью, чтобы по возможности раньше направить мысль читателя к преемственности родовой линии великих князей Тверских Александра—Михаила—Ивана, проводивших якобы одну и ту же политику. Прославление Александра Михайловича нужно было составителю «Повести», работавшему по заказу Бориса Александровича, для того, чтобы тем сильнее прославить Михаила, сына властителя всей Руси, погибшего за дело защиты Руси от татар. Слава же Михаила должна осветить своими лучами и Ивана Михайловича, преемника и продолжателя политики Михаила, как она изображена в данной «Повести». При таком освещении прошлого читателю должны были быть ясны и величие и правильность политики Бориса Александровича, для которого работал наш составитель, фактического преемника и действительного продолжателя политики Ивана Михайловича (княжения Александра Ивановича и Юрия Александровича вместе продлились не более одного года и промелькнули как бы незаметно). Поэтому составитель «Повести» Тверского сборника и заканчивает рассказ о женитьбе Михаила следующей фразой: «И поят же благодарный Михаил дщерь великого князя Константина Евдокия благоумную, от нея же роди благоразумнаго Ивана, възлюбленнаго сына, его же възпита премудрено, наказаа страху божию и премудрости человечестей».¹⁰⁰ Это не просто пришедшаяся к слову похвала Ивану, а важное в общем замысле составителя, работавшего по заказу Бориса Александровича, место, играющее как бы роль «связи с современностью». Ясно, что и в окончании «Повести» Тверского сборника должно было уделяться особое внимание Ивану, тем более что там должна была идти речь о назначении преемника Михаила и его вокняжении.

В рассказе о преставлении Михаила, имеющемся в Лицевом своде и Симеоновской летописи, а также в той первичной «Повести о житии и преставлении Михаила», которая видна как общая первооснова и «Повестей» этих двух летописей и «Повести» Никоновской, Михаил назначает своим преемником Ивана. Но все же этот рассказ не мог являться окончанием «Повести» Тверского сборника. Поскольку этот рассказ, исключая замену имени Ивана на имя Василия,¹⁰¹ в основном тот же, что рассказ Никоновской, будем продолжать сопоставление текста Тверского сборника с этим рассказом по тексту Никоновской. Говоря о рассказе о преставлении Михаила Никоновской летописи, мы могли убедиться (см. стр. 143), что одним из главных его моментов является история пострижения Михаила, о котором автор напоминает на протяжении всего этого рассказа. Это также средство возвеличения Михаила, но уже присущее манере и идеологии автора «Повести», которую так радикально переработал составитель, работавший по заказу Бориса. Уделяя такое большое внимание пострижению Михаила, он добивается этим возвышения Михаила до ранга святого, намекая на возможность его канонизации. В первой части «Повести» Никоновской летописи пострижение Михаила основательно

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XV, стлб. 468.

¹⁰¹ Другие отличия «Повести» Никоновской летописи от «Повести» Лицевого свода и Симеоновской летописи в данной статье нам не важны.

подготовлено, и к мысли о святости Михаила читатель подводится вполне последовательно. Мы видели (стр. 141—142), что автор характеризует юношу Михаила как аскета, что он подчеркивает в качестве главного достоинства Михаила-правителя его любовь к «священному чину», его заботу о священниках и монахах. Благодаря этому во второй части «Повести», в рассказе о преставлении Михаила, читатель уже совершенно подготовлен к словам о том, что Михаил, узнав о приходе посланцев с иконой от патриарха, «радости же духовныя исполнился, бе бо всею душею ждый благословения и молитвы от святаго патриарха, мысляще бо, яко да святаго молитвою хотяше тещи в добрый путь... еже во иноческое житие, и възприати святаго ангелскаго иноческаго образа, его же от многих лет горением сердца желаше, сего ради со слезами завидяше иноческому житию и, яко бо ангелы божия, с любовию инока среташе».¹⁰² Михаил давно хотел пострижения, давно завидовал иноческому житию, потому и любил всегда и почитал монахов, «яко самого Христа и паче князей». Ясно, что «Повесть», оканчивающаяся тем именно рассказом о преставлении Михаила, в котором имеется только что процитированное место и в основе которого лежит идея о Михаиле-святом и история его пострижения, должна была бы содержать и все те упоминания об особой любви Михаила к монахам, которые есть в первой части «Повести» Никоновской летописи и Лицевого свода и в хвалебной характеристике правления Михаила, содержащейся в них и в Симеоновской летописи. Но мы уже видели (см. стр. 141—143), что составитель «Повести» Тверского сборника часть этих упоминаний выбросил, заменив их указанием на гражданские добродетели Михаила-юноши и подчеркнув в качестве его главного достоинства как правителя совсем другую, вполне светскую, черту. Следовательно, концом «Повести» Тверского сборника не может являться рассказ о преставлении Михаила «Повестей» Никоновской летописи, Лицевого свода и Симеоновской летописи, так как в противном случае «Повесть» Тверского сборника лишилась бы единства своего идейно-художественного замысла.

Обращая внимание на те же два момента: линию Михаил-святой, любящий монахов, и линию отношения к Ивану, как они отразились в рассказе о смерти Михаила Тверского сборника, мы видим, что именно здесь налицо соответствие отражению обеих этих линий в «Повести» Тверского сборника. Как в «Повести» Тверского сборника исключена линия Михаил-святой, так и в рассказе, стоящем там же под 1399 г., нет ничего, что было бы с этой линией связано. Напротив, Михаил дает здесь обед («вечеру велику») всем вместе: и «священному чину», и нищим, слепым, хромым, и всему народу; и составитель, возможно, полемизируя со своим предшественником, заставляет Михаила сказать на этом-то обеде: «Един путь, по нему же вси идем к создавшему нас».¹⁰³ У этого составителя Михаил, оказывается, не думает, что «священный чин» — особые люди, «ангелы божии на земле», но утверждает, что все мы христиане: и монахи, и священники, и миряне.

Что же касается отношения к Ивану Михайловичу, то ни в одном другом варианте рассказа о смерти Михаила нет такого особого внимания к Ивану, как в рассказе Тверского сборника. Только в нем дважды говорится об Иване как законном преемнике Михаила: сначала сам Михаил говорит об этом епископу, только для этого (а вовсе не для разговоров о пострижении) и призвав последнего, а затем уже епископ, опять-таки

¹⁰² ПСРЛ, т. XI, стр. 177.

¹⁰³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 459; Тверской сборник, Забелинский список, л. 185.

специально для этого созвав народ, объявляет всем имя Ивана: «„той бо есть благословень своим отцемъ, великим князем Михаилом, на великий стол града Тфери“. Они же реша: „многа лета великому князю!“».¹⁰⁴ Такой концовки нет ни в одном другом рассказе о смерти Михаила.

Итак, именно рассказ о смерти Михаила, стоящий в Тверском сборнике под 1399 г., является концом «Повести о Михаиле», стоящей там же под 1402 г.

Каков же был в таком случае состав «Повести о Михаиле», заказанной Борисом? Иначе говоря, вся ли она дошла до нас, или компилятор второй части Тверского сборника, поместив конец «Повести» под 1399 г., а первую ее часть под 1402 г., выбросил ее среднюю часть, в которой могли подробно описываться конкретные дела Михаила во время его великого княжения на тверском столе? Учитывая характер композиции княжеских житий того времени, такое предположение считаем маловероятным. Состав «Повести», заказанной Борисом, таков и был в общем, каким он дошел в Тверском сборнике. И он обычен, ибо, как заметил В. О. Ключевский о варианте Никоновской летописи, «по составу своему оно («Краткое житие Михаила», по терминологии Ключевского, — Б. Д.) совершенно одинаково с запиской о князе Ярославском Феодоре, написанной до Антония: беглый очерк жизни князя сопровождается вдвое более обширным описанием его кончины; только здесь, в житии Михаила, биографические черты гораздо живее и обильнее».¹⁰⁵ Такая же картина и в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русского»: конкретные дела князей в памятниках такого жанра вообще не описывались.

Компилятор второй части Тверского сборника не сделал крупного пропуску. В этом можно убедиться, сопоставив окончания первых половин «Повестей» Тверского сборника, Лицевого свода, Никоновской и Симоновской летописей. Во всех четырех «Повестях» хвалебные характеристики правления Михаила одинаково оканчиваются, хотя картина личного и семейного благополучия Михаила и благополучия всей Твери, которыми наслаждался Михаил в результате своего правления и своего хорошего нрава, и изображена различно.

Никоновская и Лицевой свод

Темъ же и господь бог возлюбил его, а многа благаа дарова ему, и славою и честию венча его, и в странах прослави. Сам бо рече: прославляющаго мя прославаю; темъ же и господь постави его во главу языком многим, и от всех стран собирахуся к нему, и сынове чуждии пороботаша ему, понеже он бога возлюбил, и бог его возлюбил.

Симоновская

Тем же и господь бог... возлюбил многа тому бещисленнаа блага дарова, славою бо и честию венчай, и в странах прослави. Сам бо рече: прославляюще мя прославаю, и сему сбысться по пророку... и от стран к нему собирахуся, и сынове чужии пороботаша тому, и господь бо постави и во главу языком многым, и люди земля его веселиа и богатства исполни, и всегда веселитися ему сподоби, зря сыны своя окрест трапезы, яко новорасти маслинныя, по пророку,

Тверской сборник

Князю же ему, и вся, елико аще творяи, успеваше, по пророку, и господь бог възвыси и прослави рог Тверския земля, многаа благаа и земная възприать, яко же речеся

Быша бо ему сынове смьслени храбри, и доброволне повеселишася пред Господемъ о сыне сынов своих, и быше о всем добре изо-

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб 460—461. В Толстовском списке: «Народ же рече: „Многа лета великому князю Иоанну“»

¹⁰⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 180

Аз бо, рече, любящая мя, люблю, и ищущии мене обрещут благодать.

Исходящу же лету 34-му дръжавы великаго княжения его, в сие же лето и церковь обнови соборную Преображение господне, и приидоша

к нему послонницы его Тферскии от Константинаграда, Данило, протопоп соборныя церкви святаго Михаила, и Коляян... (ПСРЛ, т. XI, стр. 177).

виде бо ны сынов своих благороднем цдетуша пред очима его и всем в благих исполнися желание его: аз бо, рече, любящая мя, люблю. Преставление же боголюбиваго сего великаго князя сице есть: бысть яко же богоспасному граду Тферьскому живушу всем миром и благочестием, церковного ради благостояния, и сему князю великому Михаилу Александровичю изрядно строящу град и люди, и людем всем благовременующе обилне и всем благодарящим господа бога о таком благовременем пребывании града, и бысть яко же псходящу лету тридесять четвертому дръжавныя области Тферьского настолования и мирнаго царства Михаила, достославнаго великаго князя, в лето въ немже обновлена бысть святая великаа съборнаа Тферьскаа церкви, приидоша послонницы от Константияграда, иереи Даниил, начальник прозвитером сборныя церкви святаго Михаила, и Калоанн... (ПСРЛ, т. XVIII, стлб. 144—145).

билау в дому своем, и, благодаря господа бога, радовашеся, зря землю свою всеми благыми кипящу пред очима (ПСРЛ, т. XV, стлб. 469—470).

Того же лета, по Госпожине дни, князю великому Михаилу Александровичю, лежаще в великой болезни, приидоша послоннии из Царяграда, Данило протопоп з други... (ПСРЛ, т. XV, стлб. 459).

Как видим, всюду рассказ о преставлении Михаила идет непосредственно за окончанием хвалебной характеристики правления Михаила. Так же получается и в сохранившемся тексте «Повести» Тверского сборника, если восстановить в нем хронологический порядок. Переход к рассказу о смерти Михаила, который был в первичном виде «Повести», лучше всего сохранился в Симеоновской. И на основании ее текста видно, что либо под рукой составителя «Повести» Тверского сборника, либо под рукой компилятора второй части Тверского сборника выпало только несколько переходных фраз. В Тверском сборнике, таким образом, оказалось исключенным в данном месте не больше текста, чем в «Повести» Никоновской летописи.

Все сказанное вместе с тем подтверждает, что текст Тверского сборника 1402 и 1399 гг. — это две части одной «Повести». Следовательно, оба текста были заимствованы компилятором второй части Тверского сборника не из двух летописных сводов, как полагал А. А. Шахматов, а из одного свода Бориса Александровича.¹⁰⁶ Поскольку это так, меняется вся картина работы компилятора второй части Тверского сборника над его текстом от 1399 и по 1403 г., нарисованная А. А. Шахматовым, и заново встает вопрос: что сделал в этих пределах со своими источниками этот компилятор.

¹⁰⁶ Могло быть, конечно, и так, что компилятор имел отдельную «Повесть о Михаиле», заказанную Борисом, но это менее вероятно, ибо что свод Бориса Александровича 1450-х годов вообще существовал, доказывается наличием его следа — летописного отрывка в «Слове инока Фомы о великом князе Борисе Александровиче».

Для того чтобы доказать существование «Летописца княжения Тферскаго», А. А. Шахматов резко отделяет текст второй части Тверского сборника вплоть до заголовка «Предисловие Летописца» от идущего после него, относя первый к одному своду, второй — к другому, и объявляет текст «Повести» началом «Летописца». Соответственно он подчеркивает однородность всего текста Тверского сборника начиная от заголовка и до конца Сборника. Но И. А. Тихомиров указал тот рубеж, где оканчивается сплошной текст первой части «Повести», и отметил, что после него идет текст летописного свода, в который компилятор второй части Тверского сборника вставил «Повесть о Михаиле». «Там, где он (составитель Тверского сборника, имеет в виду И. А. Тихомиров, компилятор второй части Тверского сборника, скажем мы, — Б. Д.) сделал последние выписки из жития,¹⁰⁷ он счел необходимым сказать „начнем о ихже начахом“,¹⁰⁸ т. е. о княжении Ивана Михайловича, начало княжения которого уже было раз описано и теперь повторяется в другой раз. Что это заключение принадлежит составителю Сборника, а не автору жития, видно из того, что в житии ни разу не упоминалось об Иване Михайловиче, и, следовательно, нельзя сказать: „начнем о ихже начахом“».¹⁰⁹

Таким образом ясно, что именно компилятор второй части Тверского сборника разорвал текст списываемого им летописного свода вставкой «Повести», очевидно, заимствованной из другого летописного свода, — иначе не надо было бы делать эту ссылку. Эта фраза компилятора отсекает текст, идущий после нее, от текста «Повести», и нельзя говорить обо всем тексте второй части Тверского сборника от заголовка и до конца Сборника (или даже до 1425 г.) как о принадлежащем к одному литературному памятнику — «Летописцу княжения Тферскаго».

А. А. Шахматов устранил это противоречащее его выводам наблюдение И. А. Тихомирова простым умолчанием о нем. Излагая порядок известий в Тверском сборнике, он называет указанную И. А. Тихомировым фразу «переходной».¹¹⁰ Далее выясняется, что переходной она названа не потому, что здесь составитель перешел к другому своему источнику, а потому, что здесь переход в изложении к другой теме. По мнению А. А. Шахматова, составитель Тверского сборника переписывал свод 1499 г. «вплоть до известия о смерти Ольга Рязанского» (включительно). А затем он сделал вставку из «Летописца княжения Тферскаго», простирающуюся от заголовка «Предисловие Летописца» (включительно) и до повторения известия о взятии Нижнего Семенов Дмитриевичем и царевичем Ентяком. Затем он вернулся к списыванию свода 1499 г., сделав при этом ошибочно повторение, о котором только что говорилось.¹¹¹

В таком случае фраза «прекратим слово... и начнем о их же начахом» оказывается принадлежащей не составителю второй части Тверского сборника, а составителю «Летописца княжения Тферскаго». Но тогда, что же

¹⁰⁷ Точнее, прервал выписку начала «Повести», так как конец ее он поместил ранее. Так, собственно, понимал это и И. А. Тихомиров.

¹⁰⁸ Приводим эту фразу целиком: «Но убо о сем прекратим слово и кончаем беседу, и начнем о их же начахом» (ПСРЛ, т. XV, стлб. 470). Эта фраза идет сразу же за последней фразой хвалебной характеристики Михаила (см. стр. 147).

¹⁰⁹ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 282. В конце процитированного И. А. Тихомиров допустил неточность: о самом Иване Михайловиче в тексте жития рассказывается в связи с женитьбой Михаила. Следует говорить только о начале княжения Ивана Михайловича.

¹¹⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 224.

¹¹¹ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 226—227.

имел в виду сказавший эту фразу под словами «начнем о их же начахом»? А. А. Шахматов ничего не отвечает на этот вопрос. Попытаемся ответить на него, становясь на точку зрения А. А. Шахматова. Допустим, что этой фразой составитель «Летописца княжения Тферскаго» переходил от списывания своего источника — жития Михаила начала XV в. — к написанию собственного текста летописи, в которую он перерабатывал это житие. Но о возвращении к какому же началу мог он тогда говорить, если, согласно точке зрения А. А. Шахматова, «Летописец княжения Тферскаго» открывался заголовком «Предисловие Летописца» и следующим за ним текстом, т. е. ничего в нем до этого и не было, а текст, имеющийся до заголовка, по мнению А. А. Шахматова, относится к другому своду — к своду 1499 г., на него составитель «Летописца княжения Тферскаго» сослаться не мог. В тексте же, между заголовком и этой фразой, о начале княжения Ивана Михайловича действительно не говорится. Зато о начале княжения Ивана Михайловича говорится в конце второй части «Повести» (рассказа о смерти Михаила): там сказано об оглашении епископом воли Михаила и о принятии тверичами Ивана Михайловича в качестве нового великого князя (мы цитировали это место на стр. 146). Только это место может иметь в виду разбираемая ссылка. В то же время возражать И. А. Тихомирову против того, что написавший эту фразу имел в виду начинать вновь речь о начале княжения Ивана Михайловича, невозможно. После этой фразы в тексте идет: «Начало княжения великого князя Ивана Михайловича Тверскаго».¹¹²

Значит, в указанной И. А. Тихомировым фразе написавший ее сам заявляет, что он возвращается к тому, что он же («о их же начахом») написал ранее. То есть автор этой фразы сам подтверждает, что именно он разорвал текст «Повести» пополам и уже выписал ее вторую часть.¹¹³ Следовательно, фраза, указанная И. А. Тихомировым, принадлежит составителю второй части Тверского сборника.

А. Н. Насонов в своей работе 1930 г., следуя в общем картине работы компилятора, нарисованной А. А. Шахматовым, несколько изменил ее. Он также считал, что составитель второй части Тверского сборника (т. е. «Московской редакции Тверского свода конца XV века») имел дело одновременно с двумя источниками: «Летописцем княжения Тферскаго» и московской летописью. Из первого он и вставил под 1402 г. в текст последней «Предисловие Летописца». Но конец этой вставки А. Н. Насонов указал иной: «„Предисловие“ продолжается в составе сборника до слов: „князь же великий Иван Михайлович“. С этого места он снова обратился к тексту летописи, причем, как известно, по ошибке второй раз переписал конец 6907 г. и начало 6908 г., до слов: „Темир Аксак уби царь“, но здесь заметил свою ошибку и далее продолжал уже сразу с 6911 г. Первая фраза, с которой начинается текст летописи, — о восшествии на стол Ивана Михайловича и о том, как „людие“ „благодарно ему воспеша... многа лета“, — была, очевидно, заключительной фразой в рассказе о преставлении Михаила Александровича под 6907 г.; это ясно по смыслу текста: перед датой смерти Михаила рассказывается, что епископ говорил народу о Иване Михайловиче как о преемнике вел. кн. Михаила: „они же (т. е. „людие“) реша: многа лета великому князю“. Как видим, „Предисловие“ попало не на место; можно думать, что у составителя экземпляра Тверского свода был дефектным... Заглавие отрывка

¹¹² ПСРЛ, т. XV, столб 470

¹¹³ Это еще раз подтверждает, что рассказ о Михаиле под 1399 г. и рассказ о нем же под 1402 г. — две части одного памятника, и что они взяты из одного свода

достаточно ясно указывает на его место и назначение: он служил „предисловием“ к Тверскому „летописцу“». ¹¹⁴

Но мы уже показали, что нельзя судить о назначении текста «Предисловия», исходя из его заглавия, и что рассказ о преставлении и «Предисловие» — только две части одной «Повести». С противоположными неверными положениями тесно связано и отнесение принадлежности фразы-ссылки перу автора «Предисловия». По мнению А. Н. Насонова, «Предисловие» вообще кончалось так, как оно кончается теперь в Тверском сборнике (т. е. характеристикой правления Михаила), и именно его «автор вслед за тем заявляет, что следует кончать „слово“ и прекратить „беседу“ и начинать летописец». ¹¹⁵ Таким образом, оказывается, что автор здесь ссылается на самый заголовок.

Однако в словах А. Н. Насонова бросается в глаза неясность. Как видно из процитированного, текст «Предисловия» кончался после слов «начнем о их же начахом» и до слов «князь же великий Иван Михайлович». Следовательно, подзаголовок «Начало княжения великаго князя Ивана Михайловича Тверскаго» написан также автором «Предисловия». Каким же образом таким подзаголовком могло открываться шедшее в «Летописце княжения Тферскаго» первоначально за «Предисловием» (как это явствует из сказанного на той же и на следующей страницах у А. Н. Насонова) летописное изложение тверских событий XIII—XIV вв. и «времени княжения Михаила Александровича», до которого и сокращал «первоначальный текст Тверского свода» автор «Летописца княжения Тферскаго», якобы работавший по заказу Бориса Александровича? Конечно, ссылка на заглавие «Предисловие Летописца княжения Тферскаго великих благоверных князей тферских» при переходе к началу княжения Ивана Михайловича сама по себе могла иметь место. Но ведь, по словам А. Н. Насонова, текст «Предисловия» попал перед сообщением о вокняжении Ивана чисто случайно (по вине компилятора и по дефектности его источника). Почему же в первоначальный текст «Предисловия», открывавшего сперва свод, посвященный Михаилу, попал подзаголовок о начале княжения Ивана? Следовательно, фраза-ссылка не могла относиться к заглавию и принадлежать автору «Предисловия». Она имеет в виду именно начало княжения Ивана.

Придя в работе 1946 г. о псковском летописании к выводу о том, что «житие Довмонта первоначально стояло в начале летописи и что составитель Синодального списка, сокращая свой источник, перенес житие в текст перед 6573 г.», ¹¹⁶ А. Н. Насонов использовал этот вывод для подкрепления своей точки зрения по разбираемому вопросу тверского летописания. «Естественно, — писал он там же, — встает вопрос: не следует ли искать аналогичного литературного явления в истории тверского летописания, где мы находим указание на существование „Летописца княжения Тферскаго...“, имевшего обширное „предисловие“, содержавшее славословие великому князю Михаилу Александровичу Тверскому и биографический материал о нем и его предках».

Прежде всего мы видим здесь повторение той же эволюции взгляда на «Предисловие Летописца», которое мы отмечали выше (см. стр. 126) для А. А. Шахматова: более пристальное рассмотрение привело и А. Н. Насонова к оценке рассматриваемого текста уже не только как «Предисловия Летописца», а прежде всего как жития Михаила (на чем

¹¹⁴ А. Н. Насонов Летописные памятники Тверского княжества, стр. 743

¹¹⁵ А. Н. Насонов Летописные памятники Тверского княжества, стр. 744

¹¹⁶ А. Н. Насонов Из истории псковского летописания Исторические записки, т. XVIII, 1946, стр. 282

и основана аналогия). Это последнее мнение А. Н. Насонова существенно укрепляет наши позиции.

Из сказанного в работе нельзя определить, применена аналогия в узком или более широком значении. Если она только подкрепляет примером возможность того предположения, что житие Михаила открывало собой свод Бориса Александровича, из которого списал его компилятор второй части Тверского сборника и поместил под 1402 г., то мы согласны с этим. И это предположение будет только еще более вероятным, если мы будем усваивать своду Бориса Александровича другой объем, содержание и состав, нежели те, которые усваивает ему А. Н. Насонов в работе 1930 г., и считать, что следы этого свода сохранились более в «Слове инока Фомы», нежели в Тверском сборнике. Действительно, и по содержанию своему, и по стилю «Повесть о Михаиле» Тверского сборника более сходна со «Словом инока Фомы» и сохранившимся в нем летописным отрывком, нежели с летописным текстом, окружающим «Повесть» в Тверском сборнике.¹¹⁷

Но если аналогия проводится на всю картину работы компилятора второй части Тверского сборника и имеется в виду, что, подобно составителю Синодального списка Псковской летописи, он имел дело не с двумя, а с одним летописным источником, материал которого он только сокращал и перемещал, то на этом следует остановиться особо. В таком случае основной летописный материал Тверского сборника окажется равнозначным «Летописцу княжения Тферскаго» — своду Бориса Александровича, в котором компилятор нашел и «Повесть» — «Предисловие». В этом случае фраза-ссылка могла принадлежать компилятору: писец, поставивший «Предисловие» в середину того же свода, к которому оно принадлежало и раньше, сослался здесь на оказавшийся переписанным им выше материал того же свода. Но всему этому противоречит то обстоятельство, что в описанном случае для писца просто невозможно было бы допустить то повторение летописных известий, которое имеется в Тверском сборнике.

В самом деле, фраза «начнем о их же начахом» — свидетельство того, что написавший ее писец в процессе делавшегося им разрыва «Повести» и вставки ее двумя отдельными частями из свода, в котором она была, в текст другого, списывавшегося им свода, допустил повторение летописных известий. Картина работы компилятора, нарисованная А. А. Шахматовым и в 1930 г. А. Н. Насоновым, верна как раз в том отношении, что компилятор должен был иметь дело одновременно с двумя источниками, а не с одним. И ссылка «начнем о их же начахом» говорит о том, что, прежде чем ее написать, компилятор посмотрел то место, где он уже писал о вокняжении Ивана под 1399 г. либо по своему уже написанному тексту, либо по тексту своего источника. Если бы он имел дело с одним списываемым источником, то в обоих случаях он бы заметил, что при этом им были уже написаны летописные известия 1399 г. (о взятии Нижнего) и 1400 г. Таким образом, точка зрения А. А. Шахматова и точка зрения А. Н. Насонова, высказанная в 1930 г., делают необъяснимой фразу-ссылку, точка зрения А. Н. Насонова 1946 г. делает необъяснимой повторение летописных известий.

Утверждение, что именно написавший фразу-ссылку разорвал «Повесть» на две части и переставил их в обратном порядке, подкрепляется наблюдениями над двумя фразами, следующими за ссылкой. Написав, что

¹¹⁷ Может быть, даже свод Бориса Александровича и не содержал вовсе описания времени Михаила Александровича, которое заменялось в нем открывавшей его «Повестью о Михаиле», после которой шло изложение времени княжения Ивана Михайловича

он возвращается к тому, о чем уже начинал говорить, компилятор должен был пояснить читателю, что именно он имеет в виду. И он вставил подзаголовок: «Начало княжения великого князя Ивана Михайловича Тверскаго».

Понятно, что подзаголовок в свою очередь должен был быть оправдан, за ним действительно должна была идти речь о вокняжении Ивана. А. Н. Насонов верно заметил, что следующее за подзаголовком сообщение об этом было заключительной фразой рассказа о преставлении Михаила, т. е. второй части «Повести».¹¹⁸ А. Н. Насонов считает, что эта фраза стоит на своем месте и только отсекается от рассказа, к которому она принадлежала, вставкой «Предисловия». Но поскольку мы уже знаем, что рассказ о смерти Михаила — это вторая часть той же «Повести», что следует за ним, и он сам тоже является вставкой, то ясно, что фраза о вокняжении Ивана искусственно переставлена компилятором при вставке уже первой части «Повести». Стиль этой фразы резко разнится от следующего за ней текста и совершенно сходен со стилем «Повести». В то же время конец «Повести» явно оборван: выдержанная в торжественном стиле, она должна была и концовку иметь столь же торжественную, а не завершаться кратким указанием на то, когда умер Михаил и сколько лет он прожил.

Следовательно, «Повесть», заказанная Борисом, заканчивалась так: «... „ныне же да блюдет вас князь Иоанн, той бо есть благословен своим отцем, великим князем Михайлом, на великий стол града Тфери“. Они же реша: „Многа лета великому князю“. Князь великий Михаил преставися месяца августа 27 дня. И жить веку своего 60 и 5 лет.¹¹⁹ Князь же великий Иоанн Михайлович, благодарив господа бога, седяй на столе дедне и отчи в церкви святого Спаса в лето 6908. И тако силою божию бысть великий князь богохранимого града Твери, людие же, радующесе, благодарно ему воспеша многа лета».¹²⁰

Итак, компилятор второй части Тверского сборника сначала заменил в списывавшемся им своде то, что там говорилось о смерти Михаила, рассказом о том же из «Повести о Михаиле», которую он нашел в своде Бориса Александровича, своим вторым источником. Так как этот рассказ нужен был ему именно в качестве развернутого сообщения о смерти Михаила, то он и оборвал конец «Повести» на фразе о том, в какой день умер Михаил и сколько лет он жил, и стал было переписывать (в первый раз) известия следующих годов из своего основного источника. Переписав по последнему известия 1402 г., он почему-то вернулся к «Повести» и почему-то захотел и первую ее половину вставить в свой текст.

Когда он ее вставил, то заглянул в конец «Повести» и почему-то решил повернуть изложение от Михаила к вокняжению Ивана. Он сделал этот поворот с помощью фразы-ссылки и подзаголовка, напоминавших читателю о том, что о назначении Ивана преемником Михаила уже говорилось выше. Для того чтобы завершить этот поворот, понадобившийся ему в связи со вставкой первой части «Повести», он из конца «Повести» вставил затем фразу о вокняжении Ивана, которую он опустил было при вставке второй части «Повести».

Таким образом, о том, что компилятор после списывания первой части «Повести» заглянул вновь в конец «Повести», свидетельствует само появление фразы о вокняжении Ивана там, где она теперь стоит. И важно

¹¹⁸ См. процитированное нами из работы А. Н. Насонова на стр. 149 настоящей статьи.

¹¹⁹ Тверской сборник, Забелинский список, л. 185 об.; ПСРЛ, т. XV, стлб. 460—461.

¹²⁰ Тверской сборник, Забелинский список, л. 189 об.; ПСРЛ, т. XV, стлб. 470

то, что он смотрел в конце «Повести», переставляя эту фразу и справляясь о том, что о завещании княжения Ивану уже говорилось, не по своему написанному ранее тексту, где этой фразы не было, а по тексту того свода, из которого он списывал «Повесть» и в котором не было тех летописных известий, которые он уже приписал в своем тексте после того, как оборвал конец «Повести». Именно поэтому, возвратившись после перестановки фразы о вокняжении к переписыванию своего основного источника, летописного свода, текст которого он еще под 1399 г. разрезал вставкой второй части «Повести», он и не заметил, что повторяет известия 1399 г. о Семене Суздальском и 1400 г. о получении Иваном ярлыка и убийстве Баязета. И компилятор продолжал списывать летописные известия из своего основного источника, так и не заметив своей ошибки, и списал во второй раз полностью известия 1399—1402 гг.

Что в оригинале второй части Тверского сборника и в оригинале самого Тверского сборника эти известия были повторены полностью, подтверждается тем, что позднейшие переписчики Тверского сборника, сталкиваясь с этим, по-разному — один удачно, другой неудачно — пытались исправлять ошибку. Тот факт, что все они (насколько можно судить при ограниченном количестве дошедших до нас списков Тверского сборника) как-то стремились исправить повторение, показывает, что оно было полным и потому всеми ясно воспринималось как ошибка.

Толстовский список Тверского сборника — поздний, и, очевидно, не его писец, а именно писец его протографа исправил радикально ошибку, убрав вместе с повторяющимися известиями и всю первую часть «Повести» (включая и присоединенную к ней фразу о вокняжении Ивана). В нем, на лл. 393—394 об, имеется рассказ о преставлении Михаила, а далее идут летописные известия 1399 и следующих по порядку годов.

Иную картину встречаем в Забелинском списке, XVI в. Его писец, переписав рассказ о смерти Михаила, летописные известия и первую часть «Повести», начал переписывать повторяющиеся известия во второй раз, но заметил повторение при переписке известий 1400 г. Именно этот писец прервал повторяющиеся известия на словах «царь Темир-Аксак уби стоя». Это подтверждается тем, что он, оборвав на этих словах изложение посреди строки, оставил затем пропуск в 24 строки. И только внизу этого же, 190 листа, приблизительно на том же месте, на котором на л. 186 кончаются в первый раз написанные известия и начинается заглавие «Предисловие Летописца...», он начал снова писать уже с повторяющегося известия 1403 г. Ясно, что он хотел перенести на л. 190 окончание известий 1400 г. и известия 1401—1402 гг., занимавшие пространство, примерно равное заготовленному пропуску, с л. 186, а л. 186 выбросить. Но так как на л. 186 уже написано было и начало первой части «Повести», то, не найдя выхода, писец и оставил все в описанном положении.

В Погодинском списке, восходящем к Забелинскому, этого пропуска нет. Писец Погодинского переписал все подряд, что было в Забелинском списке, переставив только в последних словах перед пропуском (т. е. стоявших перед пропуском в Забелинском) слово «царь», чтобы сделать хоть немного более понятным непонятное место. В нем идет «Темир Аксак уби царь стоя» и сразу же за ними в ту же строку: «В лето 1403...». Таким образом, писцы непосредственного протографа (или протографов) Погодинского списка и самого этого списка увековечили неудавшуюся попытку писца Забелинского списка исправить ошибку компилятора второй части Тверского сборника. Только в силу того, что Погодинский список

стал раньше известен, чем Забелинский и Толстовский, и считалось, что компилятор сам исправил свою ошибку.

На стр. 152 мы оставили без ответа два вопроса: почему компилятор, переписав повторяющиеся летописные известия в первый раз, передумал и решил вставить в свой текст и первую часть «Повести» и почему он, вставив ее, опять-таки передумал и решил присоединить к ней фразу о вокняжении Ивана, выброшенную было им из конца второй части «Повести»? Прежде чем ответить, присмотримся к тому, что еще падает на долю компилятора в том виде первой части «Повести», в котором она дошла в Тверском сборнике. Мы выяснили, что подзаголовок о начале княжения Ивана вставил компилятор. Что можно сказать о других двух подзаголовках такого же типа, имеющих в тексте «Повести» Тверского сборника?

Подзаголовок «о Шевкале»¹²¹ явно искусственно врезан посреди текста, которому он никак не соответствует. Во-первых, он разрезает собой цельную фразу текста, первая половина которой обесмысливается, если будет поставлена точка, как того требует наличие подзаголовка. «Зачало рождения его (Михаила, — Б. Д.) сице глаголетъ, яко дръжавному Александру владеюще (владеюще) землею Рускою... (идет перечисление земель, входивших в Русь и его владения, — Б. Д.) и повсюду честному его имени възносящесе (възносящюся) (идет подзаголовок) и бысть попущением божим в тыи дни възмогша иноплеменици... на сего Александра завистию вземшесе».¹²² Смысл не в том, что Михаил родился тогда, когда Александр владел всей Русью и имя его всюду славилось. И содержание фразы этим не исчерпывается. Михаил родился не в хорошие, а в тяжелые времена, когда татары одолевали, взявшись завистию на Александра, владевшего всей Русью и всюду славного своим именем. Во-вторых, хотя далее и упоминается Шевкал, но мы уже видели (стр. 127—128), что фактически под этим подзаголовком идет речь не о Шевкале, а об обстоятельствах рождения Михаила, смерти его отца, его детства.

Так же обстоит дело и со вторым подзаголовком: «Начало великаго княжения князя Михаила Александровича».¹²³ В тексте, стоящем под ним, обещаемого подзаголовком рассказа о том, как вокняжился Михаил, нет. Речь идет уже о том, как Михаил, возблагодарив бога за уже состоявшееся вокняжение, «пребываа в многих временех»¹²⁴ после своего вокняжения, правил на тверском столе. Значит, все три подзаголовка вставил в текст «Повести» компилятор второй части Тверского сборника.

А. Н. Насонов характеризует этого компилятора как работавшего по заказу Дмитрия Ивановича (сына Ивана III) в момент, когда Дмитрий ожидал пожалования тверским столом, уже вошедшим в состав Московского государства.¹²⁵ Ясно, что компилятору в своей работе надо было показать, как славен был некогда тот стол, которого ожидал его патрон. Увидев в тексте первой половины «Повести» имена целого ряда тверских князей и заметив, что большинство из них восхваляется в тексте (а мы уже знаем, зачем нужно было составителю «Повести», помимо Михаила, восхвалять еще и Александра и Ивана), он и включил первую половину «Повести» вместе с ее Предисловием в свой текст. Дабы оправдать

¹²¹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.

¹²² ПСРЛ, т. XV, стлб. 465. В скобках — чтения Забелинского списка

¹²³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

¹²⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

¹²⁵ А. Н. Насонов в Летописные памятники Тверского княжества, стр. 741—742.

эту несвоевременную по хронологическому течению известий вставку и придать ей вид произведения, прославляющего весь род тверских князей и самое княжение Тверское, он поставил рассмотренные подзаголовки.

И, главное, этот компилятор придал всему тексту первой половины «Повести» совершенно не соответствующее ему, но зато вполне соответствующее замыслу всей работы компилятора заглавие: «Предисловие Летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей тферьских». Что это заглавие вставлено рукой компилятора второй части Тверского сборника, доказывается тем, что оно из всего идущего за ним текста вполне соответствует только тем подзаголовкам, которые расставил сам же этот компилятор.

Теперь понятно, почему, вставив первую часть «Повести» и придав ей такой смысл заглавием и подзаголовками, компилятор заглянул в конец «Повести» и вставил фразу о вокняжении Ивана. Он искал теперь там недостающего ему материала об Иване. Для того чтобы оправдать заглавие, для того чтобы текст «Повести о Михаиле» действительно казался говорящим о княжении «благоверных великих князей тферьских» вообще, ему не хватало только этого материала. Только после вставки первой части «Повести» ему и понадобилась фраза, дававшая возможность поставить еще один, сходный с уже поставленным, подзаголовок: раз есть начало княжения Михаила, должно быть и начало княжения Ивана. Как видим, последний подзаголовок нес у компилятора двойную функцию: давал возможность повернуть увиденное в сторону вставки первой части «Повести» изложение и дополнял оформление переосмысления текста первой части «Повести».

Мы получили ответы на все три вопроса спора о взаимоотношении «Повести» и «Летописца» в тексте Тверского сборника в пределах от 1399 и до 1403 г. Какие выводы отсюда следуют для вопроса о самом существовании «Летописца княжения Тферскаго» вообще?

Комплекс из фразы «прекращаем беседу, и начнем о их же начахом», подзаголовок о начале княжения Ивана и последней фразы «Повести», указанной Борисом, отсекает весь последующий за ней текст от текста «Повести» или, говоря по А. А. Шахматову, от «Предисловия Летописца княжения Тферскаго», за которым теперь в Тверском сборнике оказывается свод, не относящийся к «Предисловию Летописца». Этот комплекс также связывает текст, идущий после «Повести», с текстом, стоящим до нее. Получается, что составитель второй части Тверского сборника списал из Борисова свода только «Повесть о Михаиле». Иначе говоря, от «Летописца княжения Тферскаго» остается только его «Предисловие». Но так как было доказано, что «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» вовсе не является таковым, что заголовок не соответствует тексту и что это просто «Повесть о Михаиле», то от «Летописца княжения Тферскаго» не остается в Тверском сборнике ничего, кроме заголовка, из которого он единственно и вырос в версиях ученых. Но и заголовок, оказывается, давался не действительному летописцу, а первой половине той же «Повести о Михаиле», которую компилятор второй части Тверского сборника пытался преобразить в произведение нужного ему типа единственно с помощью этого заголовка и соответствующих последнему подзаголовков.

Итак, мы можем сделать вывод, что свод, идущий в Тверском сборнике до и вслед за текстом «Повести о Михаиле», нельзя называть «Летописцем княжения Тферскаго», это какой-то иной свод, к которому не имеют отношения слова о заказе Бориса, имеющиеся в «Повести».

лежащего в основе всей второй части Тверского сборника, не существовало вообще.

В нашей статье остался нерассмотренным один, последний, вопрос разбившегося спора. А. А. Шахматов и А. Н. Насонов утверждают, что текст второй части Тверского сборника, идущий после 1402 г., однороден с текстом 1402 г., т. е. принадлежит одной и той же редакторской руке, представляет собой тот же свод Бориса Александровича, к которому относится и текст 1402 г., — «Повесть» Тверского сборника, по нашей терминологии. Мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса о существовании «Летописца» потому, что это положение А. А. Шахматова и А. Н. Насонова опровергнуто нами только частично, ибо остаются действительными те доказательства однородности текста «Повести о Михаиле» Тверского сборника со всем (по известие 1455 г. включительно) последующим текстом второй части Сборника, которые опираются на данные текста, идущего после 1402 г. Наша же задача ограничивалась рассмотрением текста 1399—1402 гг. Вопрос о полном опровержении существования «Летописца княжения Тферскаго», требующий в конечном счете анализа всей второй части Тверского сборника и части текста Рогожского летописца, должен быть темой особой статьи.

Мы не рассматривали в данной статье аргументацию, которую выставил в пользу существования «Летописца» А. Н. Насонов. Аргументация эта сводится к пяти доказательствам, распадающимся на три группы. Два доказательства основаны на данных текста 1402 г., т. е. на признании «Повести о Михаиле» Тверского сборника «Предисловием Летописца», и того, что речь в нем идет о заказе Борисом не повести, а летописи. Эти аргументы представляют собой повторение и использование аргументов А. А. Шахматова, рассмотренных и отклоненных в настоящей статье. Два других доказательства основаны на использовании данных текста второй части Тверского сборника, идущего после 1403 г., и сопоставлении их с текстом 1402 г. Одно из них ранее высказывалось А. А. Шахматовым, другое впервые выдвинуто А. Н. Насоновым. Наконец, последнее и главное доказательство основано на полном постатейном сличении всего текста второй части Тверского сборника с другими летописями, впервые проделанном А. Н. Насоновым. Таким образом, мы не рассматривали специально аргументацию А. Н. Насонова потому, что часть ее (первая группа) отклоняется нашими выводами вместе с соответствующими аргументами А. А. Шахматова, рассмотрение же другой части (две последние группы) выходит за пределы задачи, стоявшей перед нашей статьей.